

ПЕРВОРОДСТВО

ЛЕОНИД
МАРТЫНОВ

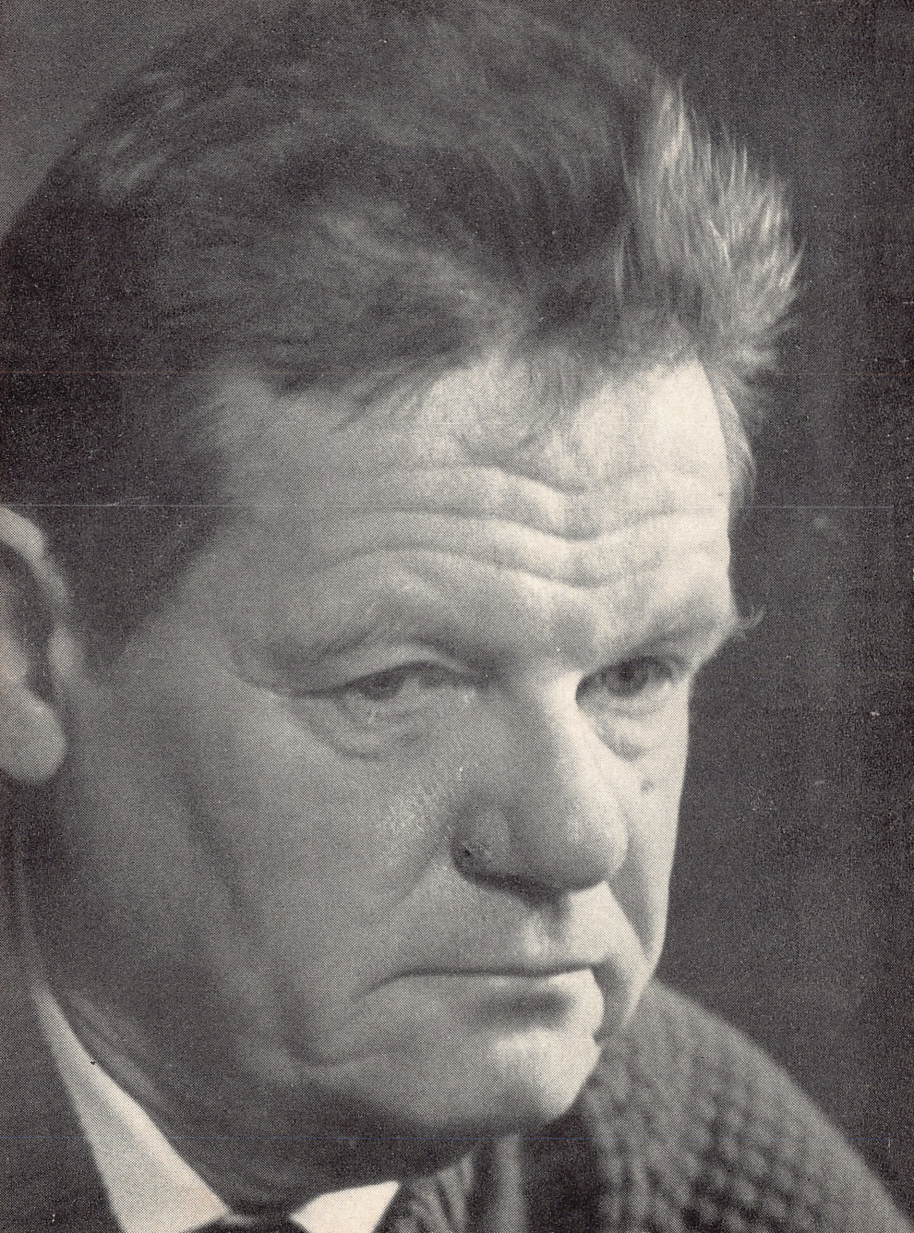
ЛЕОНИД МАРТЫНОВ

ПЕРВОРОДСТВО

ЛЕОНИД МАРТЫНОВ

ЛЕОНИД
МАРТЫНОВ

ПЕРВОРОДСТВО

 ЛЕОНИД
МАРТЫНОВ

ПЕРВОРОДСТВО

КНИГА СТИХОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ 1965

P2
M29

С Леонидом Мартыновым издательство «Молодая гвардия» соединяет давняя дружба. Десять лет назад в «Молодой гвардии» вышла тоненькая книга новых стихов Леонида Мартынова.

Книга эта — со скромным названием «Стихи» — имела исключительный успех у читателей и критики — за короткое время выдержала два издания и была переведена на зарубежные языки.

«Раскрывая ее страницы, — писал в газете «Известия» поэт Владимир Луговской, — читатель сразу попадает в мир, полный неожиданностей и чудес, населенный то необычными существами — добрыми волшебниками, рассказывающими о тайнах жизни, то простыми мудрыми людьми, повествующими о самых обыденных вещах, но так интересно, так увлекательно и... так современно.

В лучших стихах поэта ощущается богатая душа советского человека, многообразие его чувств. Гордость за нашего современника, творящего, мыслящего, идущего непроторенными путями, делающего чудеса и достойного этих чудес, составляет краеугольный камень творчества Л. Мартынова... Герои Л. Мартынова так же поэтичны, необычны, как и сам поэт. И все же это обыкновенные советские люди.

В этом году замечательному русскому поэту исполнилось шестьдесят лет. К этой дате мы и приурочили наше новое издание стихов Леонида Мартынова.

МГНОВЕНЬЕ

Я поднял стихотворную волну.
Зажег я стихотворную луну
Меж стихотворных облаков
И вот решил: теперь возьму засну,
Засну теперь на несколько веков!
Но я забылся не на сотню лет,
А стихотворный наступил рассвет,
Сам по себе передо мной вставал
Расцвет всего, что я предсоздавал.
И будь я даже в сотни раз сильнее —
Не мог бы на минуту ни одну
Пресечь течение стихотворных дней,
Объявших стихотворную страну.

КРАСНЫЕ ВОРОТА

Автомшины,
Мчатся к воротам Красным,
Чуть замедляют бег для разворота,
Полны воспоминанием неясным,
Что тут стояли Красные ворота.

Троллейбус,
Пререкаясь с проводами,
Идет путем как будто вовсе новым,
И как раскаты грома над садами,
Несется дальний рокот по Садовым.

И вот тогда
С обрыва тротуара
При разноцветном знаке светофора
Возвышенность всего земного шара
Внезапно открывается для взора.

И светлая
Высотная громада
Всплывает над возвышенностью этой
Воздушным камнем белого фасада,
Как над чертою горизонта где-то.

Земного шара
Выпуклость тугая

Вздывается в упругости гудрона.
Машины, это место огибая,
Из полумрака смотрят удивленно.

А город
Щурит искристые очи,
Не удивляясь и прекрасно зная,
Что с Красной площади еще гораздо четче
Она
Видна —
Возвышенность земная!

ВОСПОМИНАНЬЯ

Надоело! Хватит! Откажусь
Помнить все негодное и злое —
Сброшу с плеч воспоминаний груз
И предам забвению былое.

Сбросил! И от сердца отлегло,
И, даря меня прохладной тенью,
Надо мною пышно расцвело
Всезабвенья мощное растение.

Но о чем мне шелестит листва,
Почему-то приходя в движенье
И полубессвязные слова
В цельные слагая предложенья?

Либо листья начал теревить
Ветерок, недремлющий всезнайка:
— Не забыл ли что-нибудь забыть?
Ну-ка, хорошенько вспоминай-ка!

Либо птичьи бьются там сердца,
Вызывая листьев колебанье?
Но перебираю без конца
Я несчетные воспоминанья.

Не забыл ли что-нибудь забыть?
Ведь такие случаи бывали!
...Нет! Воспоминаний не убить,
Только бы они не убивали!

НА БЕРЕГУ

На берегу
Я человека встретил,
На берегу морском,
На берегу, где ветер так и метил
Глаза мои запорошить песком,
На берегу, где хмурая собака
Меня обнюхала, а с вышины,
За мной следя, тарашился из мрака
Своими кратерами шар луны
И фонари торчали как на страже,
Передо мною тень мою гоня.
А человек не оглянулся даже,
Как будто не заметил он меня.
И я ему был очень благодарен.
Воистину была мне дорога
Его рассеянность. Ведь я не барин,
И он мне тоже вовсе не слуга,
И нечего, тревожась и тревожа,
Друг дружку щупать с ног до головы,
Хоть и диктует разум наш, что все же
Еще полезна бдительность, увы!

Так
Велика
Гора черновиков,
Бумаги каменеющая масса,
Что, кажется, за несколько веков
Мне разобраться в этом не удастся.

И не отточишь
Никаких лопат,
Чтоб все пласты поднять вот эти снова,
Где происходит медленный распад
Неуловимых элементов слова.

Но
Ведь ничто не сгинет без следа —
Во что-нибудь оно переродится,
И это нечто, скажем кровь-руда,
Не мне, так вам однажды пригодится.

Быть может, все,
О чем ты лишь мечтал,
Сольется в бездне кладовых подземных
В металл, который только бы летал
И для решеток был негоден тюремных:

В тот матерьял,
Которому дано
Работать не по-прежнему на сжатъе,
А лишь на растяженье, чтоб оно
Не превратилось в новое распяте.

Возвел я
Эту гору не один,
И, подымаясь на ее обрывы,
В мерцащи снеговых ее седин
Я различаю многие архивы.

Пусть к ним
За рудокопом рудокоп
Приложат нерастраченную силу —
Напомнит им гора черновиков
Все что угодно, только не моглилу.

Бывают
Лица мертвенные,
Краска,
Как говорится,
С них давно сбежала.

Так на лице равнины, словно маска,
Снегов непроницаемость лежала.

Вдруг
На столбе
Мембрана задрожала
И началась в эфире свистопляска,
А на лице равнины, словно маска,
Снегов непроницаемость лежала.

О, долго ль будет так?
Не без конца ли?
Ведь не расскажешь, что это такое!

Пахнуло бурей...
А снега мерцали
Обманчивой недвижностью покоя.

Равнина
Будто что-то выжидала,
Как будто бы ничто не волновало.

И, наконец,
Завыла,
Зарыдала
Весна, какой еще и не бывало.

Нет,
Не бывали ветры столь жестоки,
И по оврагам, резким, как морщины,
Коричневые бурные потоки,
Вскипая, мчались по щекам равнины.

И это все —
Не что-нибудь иное —
Звалось весной,
Слышите: весной!
Но можно ли, об этом вспоминая,
Назвать весной все это?
Я не знаю.

ИТОГИ ДНЯ

В час ночи
Все мы на день старше.
Мрак поглощает дым и чад.
С небес не вальсы и не марши,
А лишь рапсодии звучат.

И вдохновенье, торжествуя,
Дойти стремится до вершин,
И зренье через мостовую
Сквозь землю видит на аршин.

Как будто на рентгено снимке,
Все проступает. Даже те,
Кто носит шапки-невидимки,
Теперь заметны в темноте.

И улицы, чья даль туманна,
Полны машин, полны людей,
И, будто бы фата-моргана,
Всплывают морды лошадей.

Да, с кротостью идут во взорах
Конь за конем, конь за конем,
Вот эти самые, которых
Днем не отыщешь и с огнем.

И движутся при лунном свете
У всей вселенной на виду
Огромнейшие фуры эти
На каучуковом ходу.

А в фурах что? Не только тонны
Капусты синей и цветной,
Не только плюшки, и батоны,
И булки выпечки ночной,

Но на центральный склад утиля,
На бесконечный задний двор
Везут ночами в изобильи
Отходы всякие и сор.

За возом воз, обоз громаден,
И прямо диво посмотреть
На то, что за день, только за день
Отжить успело, устареть.

Везут, как трухлые поленья,
Как барахло, как ржавый лом,
Ошибочные представленья
И кучи мнимых аксиом.

О господи, кому их жалко!
Грядущий день, давай пророчь —
Какую кривду примет свалка
Назавтра, в будущую ночь!

Какие тягостные грузы
Мы свалим в кладовую мглы,

Какие разорвутся узы
И перерубятся узлы.

А все, что жить должно на свете,
Чему пропасть не надлежит,
Само вернется на рассвете:
Не выдержит, не улежит!

ГНОМЫ

Нас ссорят гномы.

Много ли гномов?

Гномов великое множество.

Тут и там есть свой гном, но неведомый нам,

И, зная их качественное ничтожество,

Мы гномов не знаем по именам.

В самом деле —

Ссорили нас великаны?

Нет!

Исполины не ссорили нас?

Нет!

Разве могли бы гиганты забраться в тарелки,
графины, стаканы

И причинить нам хотя бы микроскопический вред?

Нет! Это бред!

Лишь одни только гномы за нами гоняются вслед!

ТЕРРИКОНЫ

Вы,
Степные исполины,
Терриконы-великаны,
Тащатся к вам на вершины
Вагонетки-тараканы.

И с вершин я шелест слышу,
Шепчет осыпь: — Сыпьте, сыпьте,
Громоздите нас превыше
Пирамид в самом Египте.

Может быть, степей просторы,
И сады, и огороды —
Все схоронится под горы
Отработанной породы?

Нет, конечно! Не придется
Вам столь гордо возвышаться:
Все вопросы производства
Будут иначе решаться.

И скакать по вас не станут
Вагонетки точно блохи.
Вас едва-едва помянут
В новой атомной эпохе.

И тогда в своей гордыне,
Терриконы-великаны,
Сгорбитесь вы на равнине
Разве только как курганы.

Так порой и в человеке
Пропадает все живое —
Возвышался в прошлом веке,
А глядишь,
Оброс травойю.

ТРУСЫ

Я попал в компанию мелких трусов,
В круг их интересов и запросов,
Колебаний и вчерашних вкусов.
И сказал мне мелкий трус-философ:

— Это было бы наглаейшей ложью
Утверждать, что зря всего боимся!
Мелкою охваченные дрожью,
Мы двоимся как бы и троимся,

Чтоб казалось больше нас намного,
Чем в природе есть на самом деле,
И никто бы не подвел итога,
И боялись нас и не задели!

ПЕСНИ

Пришел и требует:

— Давай мне песен!

Вот человек! Ведь в этом прямо весь он:
Когда он грустен — дай веселых песен,
А если весел — просит слезных бусин.
Ведь вот каков! Таким и будет пусть он,
И требует, наверное, по праву.
— Что ж! Выбирай, которые по нраву!

И выбрал он. И слышите: запел он,
Кой-что не так поет он: переделал.
На свой он лад слегка переиначил.
Но слышите: петь песни все же начал,
Как будто хочет заново слагать их
Своим подружкам в новомодных платьях.
Почти свои поет, а не чужие...
А я и рад, чтоб люди не тужили!

ПТИЦЫ

А птицей стать я не хотел бы,
Быть соловьем и не желаю.
Сама подумай:

прилетел бы,
На подоконник сел бы с краю,
И ты б сказала:

— Что за птица

На подоконнике томится,
Стучит в стекло летучим телом?
А я в стремленьи неумелом
Царапал перьями стекло бы.
К чему все это привело бы?
Ты форточку бы приоткрыла,
Влетел бы я. Как это мило!
В твою ладонь упал бессильно,
Ты к черту выгнала бы кошку,
Подумала,
Поймала мошку,
Схватила булочную крошку,
И в клюв мне всунула насильно,
И досыта бы накормила,
И, повторив: «Как это мило!»,
Поцеловала бы губами.
Так мы становимся рабами...
Я никогда не буду птицей!

Я опять тебя обидел,
Понимаю, сознаю —
Я опять тебя обидел
За доверчивость твою.
Вновь невольно сделал больно
Я тебе. А почему?
Я сказал тебе: — Довольно
Верить на слово всему!
На свою ты мерку мерешь
И всему, что ни скажи,
Верешь, верешь, верешь, верешь...
Лгут и жены и мужи!
Докажу, что лгут и дети,
И не верь им ни на грош,
Ибо властвуют на свете
Лицемерие и ложь.
— Да? — сказала ты тоскуя.
— Нет! — ответил я ликуя. —
Есть на свете добрый люд —
Очень многие не лгут... —
Почему ж ты даже тут
Истины не разгадала?
Так кричал я.
Ты страдала.

Я провожал
Учительницу средней
Нормальной школы, где преподают
Ничуть не хуже, чем в любой соседней.

— По-видимому, всех, кто отстают,
Мне подтянуть за четверть не удастся,
Но все же есть и несколько таких
Сверходаренных мальчуганов в классе,
Что я, конечно, знаю меньше их! —
Сказала мне учительница. — Дети
В какой-то мере знают больше нас,
И надо думать при любом ответе,
Чтоб не смеялся весь десятый класс,
И если что-то не дает покоя,
То не тетрадки и не дневники,
А эта снисходительность, с какою
Взирают на тебя ученики!

И по лицу
Довольно молодому
Вдруг пронеслась мечтательности тень.

Учительницу
Я проводил до дома,
Она закончила рабочий день.

ПЕРЕВОДЧИК

Переводчик
Далеко живет,
Но наутро вовремя придет,
Как бы поздно спать ни отпустили.

Очень много у него забот,
Чтобы вы о чем-то не забыли.

Вот и этот день прошел. Хлопот,
Как и в прошлый, было в изобилии.
И подписан полуночный счет,
И отпущены автомобили...

Переводчик
Далеко живет,
И ползет автобус и ползет...

Переводчик
Далеко живет —
Кажется, необходимы крылья,

Надо одноместный самолет,
Чтоб последний сделать перелет,
Переход с трамвая до ворот —
Женщины последнее усилие.

Свет за шторой:
Кто-то все же ждет,
Некто, младший брат, быть может, или
Сын, но кто-то, этот или тот,
Спрашивает:
— Что за люди были?
— Неплохие. Даже проводили.
— Проводили?
— Прямо до ворот!

АТОМ

Мне кажется, я видел атом...
Сказал я: «Что ни говорят,
И где бы то ни повторять,
Тебе я буду только братом.
Я — брат тебе!»

«Ты только брат?»

И так блеснул ответный взгляд,
Как будто бы ударил град.
И листопад,
И снегопад —
Все было в нем — и тьма лампад.
И дрогнули колокола там,
И будто бы земля была там
Черна с кладбищенских лопат...

Я понял:
Вот он,
Этот атом,
Которому грозит распад!

МИКРОБЫ

Какие-то слухи,
Нелепые очень,
Что кто-то на что-то уполномочен
И кто-то не слишком приветливо встречен,
А кто-то и вовсе не будет замечен.

Я знаю,
Откуда ползут эти слухи,
Что мы только нулики в пухлом гроссбухе
И лучше, прекрасней, всего безопасней
Ловчиться, влачиться в пыли и во прахе.
Я знаю,
Кому эти нравятся басни,
Я чую, откуда звучат эти песни,
В каком это смысле, в каком это духе
Внушаются страхи:
— А если, а если
И мертвый не мертв, да и мы не воскресли! —
Я знаю, в каком это грезится кресле.

Прекрасно я знаю об этом.
Еще бы!
Все это отрыжка из рыхлой утробы,
Где вызреть в гигантов мечтают микробы.

День
Еще не кончился один,
Как уж начинается другой,
Сам себе великий господин,
Будучи покорнейшим слугой.

Господин,
Который старых слуг,
Отслуживших свой законный срок,
Без раздумия сбывает с рук,
А попутно и сбывает с ног.

И, покончив с этим,
Каждый раз
Сам к себе идет в секретари,
Как и я, работать до зари,
Не смыкая воспаленных глаз.

О, я всегда желал тебе удачи!
Я никогда не зарился на дачи,
Я не ходил толпой по магазину,
Чтоб закупить и запихать в корзину,
Но сделала меня ты всех богаче!

ЛОЖЬ

Ложь
Поначалу в самых мелочах,
А дальше — больше, гладко, без заминки,
Как будто в ясных солнечных лучах
Бесчисленные плавают пылинки.

И если в глаз попало — трешь и трешь
И пальцами и даже кулаками,
Но кажется, что маленькую ложь
Не вынуть и обеими руками.

Крупницы лжи щекочат, колют, жгут,
Слеза все пуще застилает око.
Ведь нам лгуны для этого и лгут,
Чтоб видеть не умели мы далеко.

Но выход есть и в случае таком —
И, за ресничку подымая веко,
Вдруг поддевает смелым языком
Все это человек у человека.

И докторов напрасно не тревожь,
А знай: всего искуснее и чище
Глаза нам застилающую ложь
Прочь устраняет дерзкий язычище!

В эту душную ночь
Я беседовал с богом.
Говорили, казалось, не очень о многом.
Я ему говорю:

— Покажи чудеса.

Он в ответ:

— Не седеют твои волосы,
Не редеют — вот это и есть чудеса!
Не тощат ни руки, ни ноги твои,
Хоть известны мне многие муки твои.
Ведь подумай: ходил по таким ты дорогам,
По таким ты оврагам бродил и отрогам,
Где, как кровь, солона и багряна роса,
Ты прошел их — вот это и есть чудеса.

ЛЖЕТЕ

Видеть
Время, проходящее
По назначенному кругу,
Понимать происходящее
Редко ставилось в заслугу.
И еще гораздо менее
Поощрялось, позволялось
Предугадывать затмения,
Но и это вычислялось.
Словом, хочется не хочется,
Как бы вы ни волновались,
А великие пророчества
Неминуемо сбывались.
Вот над этим мир и трудится.
И когда свистите, ржете —
Мол, не выгорит, не сбудется! —
Думаю спокойно:
«Лжете!»

СОЛНЦЕ

Хотя
Оно и село,
Скрываясь там, вдали,
Где сумрачно висела
Пылища всей земли,
А ночь-то все ж такая,
Что, где ты ни копни, `
Мерцающая и сверкая,
Появятся огни.
Сияньем налитые,
Несутся светляки,
Как будто золотые,
Блестят в воде пески.
И пусть немного сонный,
Уже не столь могуч,
Луною отраженный
Его горячий луч,
Но солнце, солнце это!
И как ты ни финти,
От солнечного света
Не скрыться, не уйти,
И как ты ни ловчись там
И что ты ни бурчи,
Но солнце в небе чистом
Сияет и в ночи!

Мир,
Тот, которым мы владеем,
Нов.

Он нов,
Как будто взят и перекован
Весь от своих покровов до основ.
До самых недр, до сердцевины нов он!

Обновлены
От бездн и до вершин
И вкус его, и запах, и окраска.
Есть слухи, что при помощи машин
Проделана такая перетряска.

Но может быть,
И внешний вид людей
И все эти машины, аппараты
Не более чем просто результаты
Великого могущества идей?

А! Пусть он длится,
Вековечный спор,
Но я лишь за одно могу ручаться,
Что этот мир, он нов до самых пор,

Из коих
Мед,
И пот,
И яд
Сочатся!

ЛЕДЯНАЯ ПЕЛЕНА

Я знаю,
Я знаю,
Я знаю,
Откуда берется она,
Июльская пыль ледяная,
Надоблачная пелена.

Не солнце ли светит чуть ярче,
Чем прежде в былые года!
И вот на экваторе жарче,
Течений теплее вода.
И в Арктику и в Антарктиду
Идут эти струи, теплы.
Я чувствую это по виду
Июльской надоблачной мглы.
Теплей! Но ведь в том-то и дело,
Что шлет исчезающий лед
Свои испаренья в пределы
Умеренных наших широт.
И царствуют в Средней Европе
Ознобы, холодная дрожь,
И шубам тесно в гардеробе,
И раньше гораздо, чем ждешь,
Метель начинается в Татрах,
И меркнет туристский костер.

...Безлюдие в летних театрах,
На пляжах тоскливый простор.
И глухо волнуется море
И берег за что-то корит,
Но блудно,
Как шапка на воре,
Небесное солнце горит.

ТОМЛЕНЬЕ

Томленье...

Оленье томленье по лани на чистой поляне;

Томленье деревьев, едва ли желающих пойти на поленья;

Томленье звезды, отраженной в пруду,

В стоячую воду отдавшей космический хвостик пыланья;

Томленье монашки, уставшей ходить на моления против
желанья,

Томленье быков, не желающих идти на закланье;

Томление рук, испытавших мученья оков;

Томленье бездейственных мускулов, годных к труду;

Томленье плода: я созрел, перезрел, упаду!

И я, утомлен от чужого томленья, иду,

От яда чужого томленья ищу исцеленья. Найду!

И атом томленья я все же предаю расщепленью,

С чужим величайшим томленьем я счеты сведу навсегда.

Останется только мое,

Но уж это не ваша беда!

Все выскажу.
Не следует откладывать
Слов в долгий ящик; там не сыщешь их.
И вообще не следует обкрадывать
Себя, а следовательно, и всех других.
Да и с какой же стати буду робче я
Машин грохочущих и певчих птиц —
История есть достоянье общее,
А не каких-нибудь отдельных лиц.

И то, что знаю, все я должен высказать.
Хотя задача эта не легка,
А я возьмусь. И на глядящих искося
Взгляну при этом, нет, не свысока,
Но с высоты, не с этой, где звучания
Колоколов и славословий чад
И, будто бы фигуры умолчания,
Кариатиды всякие торчат,
А с высоты, которая антеннами
Щетинится над ржавой жестью крыш,
Над вечно разрушаемыми стенами,
Которые невольно сам творишь.

АБРАМЦЕВО

Мы,
Ольга,
Привезли вам
Всякой всячины,
Но погодите накрывать на стол.
За дачами
Среди листвы взлохмаченной
Я рукопись Аксакова нашел,
Автографы Тургенева и Гоголя,
Да мало ли чего там есть еще!
Ночами не у вашего порога ли
Славянофилы спорят горячо!

Но ты не гредишь ни славянофилами,
Ни западниками. Так пойдем же в лес!
Из древних зарослей ты посох выломи,
Чтоб Васнецов какой-нибудь воскрес
И проявились признаки нетленного
В зеленом тлене, привлекавшем здесь
Серова, Нестерова и Поленова!
Но ты не гредишь этим. И не гредишь!
Ты слышишь: просит, чтоб ее пригубили,
Ключа животворящая струя!
Ценнейшими майоликама Врубеля
Забито русло тихого ручья.

Сгущается, насыщенная звездами,
Луной и солнцем, рыжая бурда.
С обломками керамики несозданной
На дачу возвратишься ты, горда.
Они валяться будут там до осени:
Домой их нехватишь — тяжело,
Да и поставить негде. Но авось они
Здесь уцелеют. Лишь бы повезло!
Так и останется лежать на столике
Лун, звезд и солнца целая гора.
Ты, Ольга, разбираешься в майолике?
Ну, до свиданья!
Нам домой пора!

Под
Зеленый тополь я прилег,
И спросил я, наслаждаясь тенью:
— Что ты скажешь, тополь-тополек? —
И в ответ услышал шелестенье.
Шелестел он только об одном,
И, прислушавшись к его рассказам,
— Тополь, — я сказал, — ты агроном,
Лишь с одной землею только связан!
Тополь
Мне сказал:
— Я агроном,
И через листву мою сочатся
Лики солнца, в сонме их хмельном
Пляшуг пятна и протуберанцы!
Я сказал:
— Ты, тополь, — астролог!
Солнечными фокусами бредишь!
Вот твоих фантазий потолок.
Далеко на этом не уедешь!
Но,
Уйдя из шелеста дубрав
В небеса, что над полями стынут,
Тополь мне сказал:
— Я астронавт,
К вам из бесконечности закинут!

Забыто
Суеверие былое,
И ни одна небесная звезда
Нам предрекать ни доброе, ни злое
Уже не будет больше никогда.

Но как луна
Земной играет влагой
Здесь, в мире мачт, винтов и якорей,
Так и земля своей могучей тягой
Вздыхает волны солнечных морей.

И это
Не совсем невероятно,
Хотя и не доказано вполне,
Что возникают солнечные пятна
Отчасти даже по людской вине.

Ведь все же
Люди, вольные как птицы,
Земля и все живые существа
Не столь уже ничтожные частицы
В круговороте естества.

На нас-то ведь
Какое-то влиянье

Оказывает даже и луна, —
Когда кипит прилив на океане,
Мы говорим: виновница — она!

А мы
На солнце вызываем бури,
Протуберанцев колоссальный пляс.
И это в человеческой натуре —
Влиять на все, что окружает нас.

Ведь друг на друга
То или иное
Влиянье есть у всех небесных тел.
Я чувствую воздействие земное
На судьбы солнц, на ход небесных дел!

НЕБЕСНЫЙ КУПОЛ

А все же
Есть небесный купол,
Из радиации футляр!

Как странно,
Что его нащупал
Мечтатель древний, и за шар
Еще Земли не принимая,
Воображая, что — плоска,
Но все же ясно понимая:
Есть нечто вроде колпака.

Вот он,
Людской бессмертный разум:
Есть эта сфера, путь лучей,
Чтоб старчески-ребячьим глазом
Понять не сразу суть вещей
И свода тусклое мерцанье
Отвергнуть, а затем принять,
Как отрицанье отрицанья...

Да как за это и пенять!

Человек,
Которого ударили,
Человек, которого дубасили,
Купоросили и скипидарили,
Человек, которого отбросили,
Человек, к которому приставили
С четырех сторон по неприятелю,
Но в конце концов не обезглавили, —
Вот кто чувствует ко мне симпатию.
И к нему ее я тоже чувствую,
Потому что я над ним не властвую
И не то чтобы ему сочувствую,
Но в его страданиях участвую:
И меня пытались так когда-то ведь
Обрубать, обламывать, обтесывать,
Деликатно говоря — причесывать,
Говоря точнее — обрабатывать.
Чтоб признал их страшные законы я,
Убеждали и добром и злом они,
Но орудия, употребленные
Для всего для этого, изломаны,
Хоть и длились целые столетия
Эти бесконечные занятия.
И теперь в любой стране на свете я
Ясно чувствую твою симпатию,

Человек, которого мытарили,
Всячески трепали, зуботычили,
Купоросили и скипидарили,
Но в конце концов не обезличили.

ПРИРОДА

— Все менее и менее
Надеясь па спасение,
Все более и более
Лишаюсь вольной воли я! —
Так шепчешь ты, Природа, мне
С отравленными реками,
С деревьями-уродами
Над скалами-калеками.
Все менее и менее
Надеясь на спасение,
Ты стонешь: — Глохну, слепну я! —
Молчи, великолепная!
Молчи!
Все это мелочи,
Проделки разной сволочи.
От этой бледной немочи
Отмыться хватит щелочи!
Они тебя обидели,
Взъерошили, взлохматили,
Стяжатели, грабители,
Глупцы-пенкосниматели.
Но на дела бесславные
Свою затратив силищу,
Все ж не проникли в главное
Твое дарохранилище.

За вековыми свалками,
За мусорными кучами,
За листиками жалкими,
Над высохшими сучьями
Бьет жизнь все неустаннее,
Шальная, незастойная,
Сливаясь в сочетания
Меня с тобой достойные.
Верну тебе величие!
И углубляюсь в чаши я,
Кишащие, кипящие
Непойманной добычей.
И лес все первобытнее,
А недра непролазнее —
Железное, графитное,
Урановей, алмазное...

Здравствуй,
Смерчевидный человек!
Преспокойно над собою властвуй,
Тихий, безобидный человек,
Потому что не ударил час твой.

Ибо
Ты не злобный человек,
И привык ты сдерживаться очень,
О вихреподобный человек,
Лишь в себе самом сосредоточен.

Ты
Себе командуешь: — Молчок! —
Будто ничего ты и не слышал.
Что за толк вертеться, как волчок,
Чтоб сказали: из себя ты вышел?

Ты
Ведь все-таки не жироскоп,
Чтоб хранить чужое равновесье.
Ты не глуп. Себе ты шепчешь: «Стоп!
Погоди. И будет все честь честью».

Так вот
И, душою не кривя,

Ты надеешься. Но если надо,
На врага обрушишься ревя,
Как тайфун, как целое торнадо.

Ибо
Из бушующих частиц
Все мы слиты, только это скрыто,
И во всем мы держимся границ —
Вот и лица будто из гранита.

Потому что
И гранит таков:
Будь он цельным или будь разбитым,
Это бездна пламенных мирков,
Бешено летящих по орбитам!

Я вспоминаю
Средние века,
Когда людей охватывала паника
При виде двухголового телка,
Хвостатых звезд, неведомого странника.

Но миновали
Средние века
С их византийски-призрачными лицами,
И спрашивают внуки старика:
Чему вы, старцы, были очевидцами?

Чему?
Как грозовые облака,
Умчались, скрылись чудище за чудищем.
Что толковать про средние века?
Не лучше ль позаботиться о будущем!

О крохотные бюстики великих,
Ни на вершок не сдвинутые с места!
Как благонравен коллективный лик их,
Из одного как будто слеплен теста.

...Как все они старательно учились,
Своим родителям повиновались,
Прилично, не крикливо одевались —
Вот потому из них и получились
Такие, чтобы ими любовались.

И в умиленьи от таких рассказов
Под бюстиком сияет пьедестальчик.

О, как я ненавижу богомазов!
...И Маяковский был примерный мальчик!

Есть горы,
Что остались до сих пор
Как крепости невзятой высоты.
А в очертаньях очень многих гор
Людские намечаются черты —
Их покорителей и их гостей;
Умеют солнце, ветер и дожди
Запечатлеть следы людских страстей
Там, где, казалось, даже и не жди.
А там, где люди двести-триста лет
Друг дружку загоняли только в гроб,
Похожи камни то на пистолет,
То на ядро, то попросту на дробь.
Но близ электростанции, где дрожь
Ее машин волнует грудь земли,
На шарикоподшипники похож
Развал камней, на втулки, костыли,
Как будто бы действительно дано
Следить за жизнью и обломкам скал:
Они, конечно, не разумны, но
И не глупее всяческих зеркал.

МОРЕ

Я преклоняюсь перед мастерами
Былых эпох.

Но вот он, неподвижен,
Висит на стенке, мухами усижен,
«Девятый вал» в приморском ресторане.

О копиистов жалкие старанья!

А за стеной
Действительное море,
Каких еще на свете не бывало.

Что там кипит в насыщенном растворе
Отчаянно взметнувшегося вала?

О море,
На кого ты восставало,
Какого ты не слушалось штурвала,
Где бастовало с грузчиками вместе?

«Девятый вал», пылясь, висит на месте.

А море
Под прожекторным покровом
Рычит ночами реактивным ревом,

Когда улов двадцатого столетья
Бросается в капроновые сети.
И разве справиться с таким уловом
Мазилам, копиистам безголовым?
И воеет море:
— Ты, владея словом,
Знай, что не я в приморском ресторане,
Здесь, где жиры свиные и бараньи,
Застыло, точно соус, на котлете.
Не я застыло, на стене повиснув
И перекуснув в золоченой раме,
А радиоактивными ветрами
Пронзительно дышу я на туристов;
И моряков я мучу и тираню
И берега материков тараню...
Так вынь меня из золоченой рамы,
Каким я есть, таким меня и выставь
В кипеньи этом и вот в этой пене,
И всех течений ты нарушь программы —
Натуралистов, и сюрреалистов,
И копиистов всяких направлений;
Идя на приступ каменистых мнений,
Смой эпигонов жалкие маранья,
Достойные глубокого презренья,
И, не смущен художнической бранью,
Мне посвяти
Свое стихотворенье!

Я
С классикой
Был вечно не в ладу —
На статую взгляну и отойду.
Зевесы не будили интереса,
Минервы действовали мне на нервы,
Венеры мне казались так же серы,
Как буры все Амуры, их младенцы.
И вышло, что не зря их сторонюсь,
А так диктует мне хороший вкус:
Чуждаюсь копий и реминисценций.

Об этом
Лишь недавно я узнал,
Как, впрочем, и другие догадались,
Что чаще на глаза нам попадались
Лишь копии. А где ж оригинал?
Его давным-давно уже не стало —
Оригиналы были из металла.
Низвергнуты могучие тела,
Их расчленили, их перепилили,
Расплавляли, на утварь перелили
И на церковные колокола.

И не в музеях я ищу твой след,
О олимпиец с тугоплавким телом!

Ты слишком ценный, чтоб остаться целым,
Но слишком цельный, чтоб сойти на нет,
Живешь не только в колокольном зуде,
Порою превращаемом в набат,
Не только лишь в поту олимпиад
И в олимпийских позах всяких судей.
И не в одном лишь мире киностудий,
Где мощные юпитеры горят.
Но чувят люди, понимают люди,
Что суть не в том, о чем мелькнет экран,
А в том, о чем летят из разных стран
Через пустыни, через океан
Известия хрипучей чередой —
Что, весь багрян от незаживших ран,
Колдует над тяжелою водою,
Ворочает урановой рудою
Седой родитель Времени Уран.
И бездна не исчерпана до дна;
Ведь, как Сатурн, и в наши времена
Своих детей эпоха пожирает,
Но молодая жизнь не замирает,
Хоть и она, о, даже и она,
Лишь в новое одно и влюблена,
Античных жестов все ж не презирает.

Вот
Это все,
Что я имел в виду,
И, кажется, я в общем не ошибся,
А по музеям снова не пойду:
От юности моей я не в ладу
С подобьями из мрамора и гипса.

ПЕРЕВОД С ГРЕЧЕСКОГО

Когда
Мерещится
Мне облик грека,
То вспоминается не век Перикла,
Но Греция XII века,
Которая увяла и поникла,
Когда погрязли в скверне византийцы,
И рушилась Империя, и часто
Какие-нибудь воры и убийцы,
Смеясь, кичились званием себаста,
Когда в Афинах византийский мистик
Все попирает, что дорого и свято...
Но лучшая из всех характеристик
Эпохи той — стихи Акомината,
Стихи Акомината Михаила,
Плач об Афинах, так назвать их, что ли...
Я перевел их как умел. Их сила —
Отчаянье, заряд душевной боли.
Вот замерший в Акрополе пустынном
Вопль под названием:

«ЛЮБОВЬ К АФИНАМ»

Любовь к Афинам это начертала...
Их слава, что когда-то так блистала,
Теперь играет только с облаками,

Своих порывов охлаждая пламя
В тени руин. Не станет перед взором
Величие былое, о котором
Вещало поэтическое племя.
Вожак эонов, мчащееся время
Сей город погребло под грудой сору,
Среди камней, катящихся под гору.
И на ужаснейшее из страданий —
На муки безнадежных пожеланий —
Я обречен. Глаза бы не глядели
На то, что есть теперь на самом деле.
Иным еще попытки удаются
Иллюзией какой-то обмануться,
Чтоб встретиться хоть с дружественным ликом,
А я в своем несчастье великом
Сравнюсь лишь разве только с Иксионом:
Как он когда-то в Геру был влюбленным,
Так я в Афины, но, влекомый к Гере,
Хоть тень блестящую по крайней мере
Он брал в свои объятия. Увы мне!
Что воспевать могу я в этом гимне?
В Афинах обитаю, но в Афинах
Афин не вижу. Даже на пустынных
Развалинах, и их скрывая прелесть,
Лег жуткий прах. Куда же храмы делись?
Град бедственный! Как сгубло все? Где скрылось?
Как все в одно преданье превратилось?
Где кафедры ораторов? Где люди
Высокочтимые? Где суд и судьи,
Законы и народные собрания,
Подача голосов и совещанья,
И праздники, и пифий вдохновенье?
Где победители в морском сраженье?

Где сухопутных войск былая сила?
Где голос муз? Погибель поглотила
Все доблести, присущие Афинам.
Они не оживают ни в едином
Биении сердца. Нет и ни следа в них,
В Афинах, от достоинств стародавних!»

*...И новый смерч прошел над этим тленом.
О мать божья, стало еще плоше
Твоим Афинам, сделавшимся леном
Какого-то Оттона де ля Роша.
Он герцогом афинским и фиванским
Назвал себя, бургундеу нечестивый,
Когда достались крестоносцам франкским
И Неопатры, и Коринф, и Фивы!*

ДАВИД

Давид
Схватил
От эшафота плаху
И стал на ней гравировать эпоху,
Колонны Рима тыча вкривь и вкось —
Куда пришлось...
И это удалось.
Но после краха,
Даже не от страха,
Не жертву в окровавленном белье —
Цикуты выпить не хватило духа! —
Он вырисовывает — Рекамье.
Так
Иногда
Воссоздают эпоху
И ведают, конечно, что творят,
И нет возврата вспять к царю Гороху...
Но чем тяжеле пущенный снаряд,
Тем и отдача пуше во сто крат.
Земля
Дрожит,
И с потрясенной ветки
Слетает плод,
От дыма ядовит.
И женщина хохочет на кушетке:
— Давид!
Ах, до чего ж он даровит!

ДОМ МАДАМ САТАНЮК

Дом мадам Сатанюк позади Покрова.
Все изрыто вокруг, а на крыше трава.
Здесь Потемкин бывал,
Бонапарт ночевал,
Кто-то Гоголя ночью сюда зазывал.
Но не надо показывать, тыкать рукой.
Люди выбегут, крикнут: — О, дайте покой,
Ведь и так уже уйма музеев вокруг! —
Наконец и сама госпожа Сатанюк
Прибежит, завизжит и пойдет без конца
То того, то другого пушить мертвеца.

СТИКС

Пещера
Закоптела от свечей
И факелов. Я выпачкал ладони.
Рассеянно, не слушая речей
Ни об Аиде и ни о Хароне,
Я наблюдал, как Стикс лился во мрак;
Но постепенно с обстановкой свыкся,
И может быть, не следовало так,
А все-таки
Я руки вымыл в Стиксе.

Я в Стиксе вымыл руки. Утекла
По Стиксу копоть факельно-свечная.
Отмыл я в Стиксе руки добела.
И часто я об этом вспоминаю.
И где бы ни был я, куда б ни плыл,
Какие бы на свете Рубиконы
В конце концов я ни переходил,
Каким бы прорицаниям Сибилл
Я ни внимал, глядели благосклонно
Все божества:

— Он руки в Стиксе мыл!

Я куплю себе усы и бороду,
И переоденусь, и тайком
С черным зонтиком пройду по городу,
Притворяясь старым стариком.

На скамейку сяду, носом клонувши,
В сквере, где резвятся малыши.
А затем преобразусь я в юношу
И расхохочусь от всей души,

Сам не знаю, по какому поводу,
Но всего скорее потому,
Что, напялив и усы и бороду,
Был уверен я, что их сниму!

ТРИТОНЫ

Тритоны
Спали пять тысячелетий
В оцепененьи вечной мерзлоты,
Но человек разворотил и эти
Как будто неприступные пласты.

Очнулись твари,
Греясь, пили воду,
Поели комариного мяса,
Но заново не прожили и года,
А протянули только месяца.

Быть может,
Не понравился им воздух
И солнечный, какой-то новый, свет,
А может быть, весь свод небесный в звездах
Не тех уж, что назад пять тысяч лет.

А может быть,
Ухаживать как надо
За ними не умели сторожа,
Хотя с воскресших не спустили взгляда,
За их благополучие дрожа.

И околели
Бедные созданья,

Как будто бы спешащие на пять
Земных тысячелетий опоздание
Своей кончины все-таки нагнать.

И вновь
Сомкнулись маленькие пасти,
Погасли глазки, став мертвее льда,
Как первобытные в нас гаснут страсти,
Что воскресают все же иногда.

Но мы
Не зря разворотили тонны
В конце концов не вечной мерзлоты,
Чтоб разевали древние тритоны
Свои безмолвно алчущие рты.

Все это
Происходит не случайно,
А нам они стремятся объяснить
Ушедших дней непознанную тайну,
Вия времен оборванную нить.

Пусть оживут
И мастодонт и ящер,
Но только, чур, пускай не чересчур
В нас оживает наш пещерный пращур
В седой одежде из звериных шкур.

ОВИДИОПОЛЬ

Овидий,
Я видел
Твой маленький Овидиополь,
Где все было тихо, лишь ветер калитками хлопал,
С Евксинского Понта летя над лиманом днестровским.

Я знаю,
Овидий,
У дымных костров с кем
Сидел ты и, тщетно стараясь усвоить нехитрую речь их,
Печально беседовал, — с гетами в шубах овечьих.

О чем?
О Паррасийской Деве.
Дыханье свое ледяное
Она и сливала с остатками зноя под этой луною
Над этой страной, которую ты почитал за угрюмый край
света,
А мы почитаем за юг, за преддверие вечного лета,
Считая, что зимы проходят здесь шустро, но быстро.

И, горько смеясь,
Я твои повторяю, Овидий, напевы:
«Я здесь, одинокий, заброшен за брег семиустого Истра,
Попал под влиянье Паррасийской Девы...»

А может быть,
Надо с другим ударением сказать: «паррасийской»?
И может быть, было в ней что-то от облика будущей деви
русской,
Одной вот из этих, что бродят сейчас над лиманом,
И музыку мира приемником ловят карманным,
И ловят такси на Одессу, торча у парома,
И эта Одесса шумлива почти что как город мечтаний твоих,
именуемый Рома.

Но ты, у костров своих с древними гетами сидя,
Об этом и думать не думаешь,
Бедный мой старый
Овидий!

Знаешь,
Почему мне удаются
Переводы с польского, Словацкий,
Лирика его и драмы?

...Это было еще до революции.
Вспоминаю город азиатский:
Этот северо-восточный ветер,
Проникавший сквозь двойные рамы
В бани, в храмы, в церкви и мечети,
И в костел, в малюсенький костелик...
Колокол я помню дребезжащий,
Помню лица тихих старых полек...
С польскими ребятами дружащий,
Я не знал ни о каких восстаньях
И ни о каких не ведал судьях, —
Знал я о Викториах, и Франях,
И отцах их, мирных добрых людях,
И не ощущал, что это — внуки
Каторжных и ссыльнопоселенцев.

А Словацкий мне попался в руки
Много позже. Он не для младенцев.

СИЛА ТЯЖЕСТИ

Не грезится,
Я этого не выдумал,
А то и дело в руки лезут мне
Предметы, вещи тяжести невиданной,
Не соответствующей их величине.

Ведь иногда
Ложится у чернильницы
И лист бумажный, как свинцовый пласт,
И не пойму, во что все это выльется,
И помощи никто тут не подаст.

Да и перо
Такой огромной тяжести
Оказывается иногда в руках,
Что еле движется оно, и кажется,
Что ничего не скажется в строках.

Все эти вещи
Тяжести немислимой,
Порой как будто даже неземной,
Обуглены, заржавлены, окислены,
Как и сейчас лежат передо мной.

Но это все
Не с неба все же валится,

А зародилось на земле сырой.
Тут можно удивляться и печалиться,
Но я привык. И кажется порой:

Он попадетя
В руки мои **длинные** —
Рычаг, такой весомости предмет,
Что, понатужась, землю с места сдвину я,
Чего не мог и мудрый Архимед.

НАЧАЛО НАЧАЛ

Я иногда
Сочинять стихи
Как бы разучивался до конца,
Не оставалось во мне ни крохи
Ни от желанья пленять сердца,
Ни от умения вязать слова,
Было так иногда,
Ох, и болела моя голова,
Мучился, прямо беда!

Но все-таки
Я и тогда не молчал,
А из полубессвязных речей
Все ж намечалось начало начал
Лучшего порядка вещей.
Вот они, горы черновиков,
Сколько я написал —
Не сосчитаю во веки веков
Даже, пожалуй, и сам.

Но
Когда чему-то приходит срок,
Я вспоминаю вдруг:
Вот и об этом несколько строк —
Дело моих рук.

Это я чувствовал, замечал,

Пусть иногда не вполне,
Но, убедитесь, начало начал
Этих вещей и во мне!

ЛУКОМОРЬЕ

УЧИТЕЛИ

О учителя,
Бородатые законоучители
И либерально настроенные молодые учителя,
Юных душ ваятели и ожесточители!

Это было еще в преддверии Февраля.
И примечательно,
Что среди холодных просторов,
В городе серых заборов и русских печей
Мой учитель латыни якут Этагоров
Горячо толковал о Природе Вещей.
Но, конечно, Лукреций казался мне вздором из вздоров —
Я прислушивался к выхлопам автомобильных моторов,
Грезил четкими формами велосипедных ключей.

А учитель словесности, я позабыл его имя, но прозвище
помню: Кубышка,
Уверял, что от русской поэзии я так же далек,
Как и те футуристы «Гилеи», чью книжку
На уроке из парты моей он извлек.

Я не хотел
Учить, что по небу полуночи ангел летел,
Потому что полночное небо прожекторы щупали
И летел уже кто-то на «нюпор»

За пределом заката, где пламень объял города.
А началам Эвклида учил меня чех Шиффальда.
Он решил, что не выйду, увы, в математики я никогда,
Но геометрически правильно изображенная мной
на классной доске пятиконечная звезда
Все-таки не была воспринята им как издевательство
или обида.
Собственно говоря,
Это было уже в дни Октября,
Когда учителя мои были готовы исчезнуть из вида.

Между домами старыми,
Между заборами бурыми,
Меж скрипучими тротуарами
Бронемашина движется.

Душки трепещут за шторами —
Пушки стоят на платформе,
Смотрит упорными взорами
Славный шофер — Революция.

Руки у ней в бензине,
Пальцы у ней в керосине,
А глаза у ней синие-синие,
Синие, как у России.

1922

Позднею ночью город пустынный
При бертолетовых вспышках зимы.
Нежная девушка пахнет овчиной,
И рукавички на ней и пимы.

Нежная девушка новой веры —
Грубый румянец на впадинах щек,
А по карманам у ней револьверы,
А на папахе алый значок.

Может быть, взять и гранату на случай?
Памятны будут на тысячи лет
Мех полушубка горячий, колючий
И циклопический девичий след.

1922

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ НЕБЕСА

Перед
Революцией,
Овладевшей столицей,
Запирали дверь на засов;
Революцию хотели скинуть с весов:
На нее выпускали псов.

Революция гибнет! Злая зараза
Тонет в осенней грязи.
Революция гибнет — откликнулись сразу
Все, кто стоял вблизи.

Революция гибнет! Из объятий матроса
Она пошла по рукам!
Революция гибнет, попав под колеса
К собственным броневикам.

«Революция гибнет!» — крик пронесся
По морям и материкам.

Но Революция
Розоволицая,
Слушая их голоса,
Мчись через фронты и через позиции,
Через моря и леса

И оказавшись уже за границею,
Все побеждала: войска, и полицию,
И полицейского пса.

Революция
Охватывала за нацией нацию,
Творя свои чудеса,
Хоть не походили на праздничную иллюминацию
Революционные небеса. .

Наш путь в тайгу. И этот дальний путь
Не верстами — столетьями я мерю.
Вооруженный, чувствую я жуть
И чувствую огромную потерю.

Давно исчезли за горбом земли
Завоевания столетий многих.
Лишь крестики часовенок убогих
Торчат кой-где, чтоб мы их не нашли.

Селенье. Крик младенцев и овец,
От смрада в избах прокисает пища.
Будь проклят тот сентиментальный лжец,
Что воспевал крестьянское жилище.

Я думаю о нем как о враге,
Я в клочья разодрал бы эту книгу.
Я человек, и никакой тайге
Вовек не сделать из меня шишигу.

НЕЖНОСТЬ

Вы поблекли. Я странник, коричневый весь.
Нам и встретиться будет теперь неприятно.
Только нежность, когда-то забытая здесь,
Заставляет меня возвратиться обратно.

Я войду не здороваясь, громко скажу:
— Сторож спит, дверь открыта, какая небрежность!
Не бледнейте, не бойтесь! Ничем не грожу,
Но прошу вас: отдайте мне прежнюю нежность!

Унесу на чердак и поставлю во мрак
Там, гдемышь поселилась в дырявом штиблете.
Я старинную нежность снесу на чердак,
Чтоб ее не нашли безнадзорные дети.

ГРУСТЬ

Ночь. Чужой вокзал.
И настоящая грусть.
Только теперь я узнал,
Как за тебя боюсь.
Грусть — это когда
Пресной станет вода,
Яблоки горчат,
Табачный дым как чад
И, как к затылку нож,
Холод клинка стальной, —
Мысль, что ты умрешь
Или будешь больной.

ВОЗДУШНЫЕ ФРЕГАТЫ

Померк багряный свет заката,
Громада туч росла вдали,
Когда воздушные фрегаты
Над самым городом прошли.

Сначала шли они как будто
Причудливые облака,
Но вот повертели круто —
Вела их властная рука.

Их паруса поникли в штиле,
Не трепетали вымпела.
Друзья, откуда вы приплыли,
Какая буря принесла?

И через рупор отвечали
Мне капитаны с высоты:
— Большие волны их качали
Над этим миром. Верись ты —

Внизу мы видим улиц сети
И мы беседуем с тобой,
Но в призрачном зеленом свете
Ваш город будто под водой.

Пусть наши речи долетают
В твоё открытое окно,
Но карты! Карты утверждают,
Что здесь лежит морское дно.

Смотри: матрос, лотлинь распутав,
Бросает лот во мрак страны.
Ну да, под нами триста футов
Горько-соленой глубины.

ГОЛЫЙ СТРАННИК

О, знаю я, что постепенно
Твердь снова станет голубой,
Студеная осядет пена
И дым подымет хвост трубой.

...Все магистрали и поселки
Тонули в бездне снеговой,
Когда возникли эти толки
О голом призраке. Впервой
Он появился на руинах
Старинных зданий, а потом
Он для смятенья душ невинных
В пространстве будто бы пустом
Ускорил шаг среди метели,
И все, кому являлся он,
Божились, что бредет без цели,
Простоволос и обнажен.

Но ведь и мы его встречали,
И, согласишься, что я и ты
Как будто и не замечали
Его ужасной наготы.

Кто он? Наследие ль военных
Жестоких лет, когда враги

Зимою раздевали пленных
И говорили им: «Беги!»

А может быть, безумец гордый,
С природою вступивший в бой
И подчинивший воле твердой
Морозы, равно как и зной?

К чему гадать!
На горном кряже
Все крепче ледник голубой.
Рождает всякие миражи
Зимы отчаянный прибой,
Но и в кипенье этом белом,
Сияньем снежным опален,
Я чувствую душой и телом:
Жив этот странник — Аполлон!

САХАР БЫЛ СЛАДОК...

С гор, где шиповник турецкий расцвел,
Ветер был сладок и жарок,
Море лизало сверкающий мол, —
Сахар сгружали мы с барок.

Ты понимаешь?
Грузить рафинад!
Легкое ль это занятие?
Сладко! Но сотню красавиц подряд
Ты ведь не примешь в объятья!

Позже ходили мы к устью реки
К рыбацким Нового Порта.
Грузчиков не было. С солью мешки
Сами сгружали мы с борта.

Стал, как китайский кули, весь бел,
Руки изъело и спину.
Долго потом я на соль не глядел,
Видеть не мог солонину.

Сахар был сладок,
И соль солона.
Мы на закате осеннем
Вспомним про то за бутылью вина,
Прошрое снова оценим.

Время уходит!
Тоскуй, человек,
Вспоминаньями полон, —
Позднею осенью падает снег,
Тает, не сладок, не солон.

Ну-ка, приятель, давай наливай!
Тает, не сладок, не солон!

О люди,
Ваши темные дела
Я вижу, но волнуюсь не за души,
А лишь за неповинные тела!
Ведь это все же не свиные туши!

Я знаю:
Тело не за свой позор
Заплатит кровью чистой и горячей:
Плутует разум — хитрый резонер,
Вступая в сделки с честью и удачей.

Но коли так, за что же, о, за что ж —
Ответьте, объясните мне причину! —
Вам не в сознание всаживают нож,
А между ребер, в сердце или в спину?

Я смерти не особенно боюсь,
Она не раз в глаза мои глядела,
Но все же я испытываю грусть
Не за себя, а именно за тело.

Писатель слов и сочинитель фраз,
Ты за рассказом составлял рассказ
Про все, на чем остановился глаз.

Ты описал поверхность всей земли,
Упомянул, что в море корабли
Боролись с бурей, а цветы цвели.

Я видел экземпляры книги той,
Она бумагой сделалась простой.
Ты в этой книге, в сущности — пустой,

Не захотел, чтоб бабочки пыльца
Не прилипала к пальцам подльца,
Чтоб ровно бились чистые сердца.

Ты этой книгой никого не спас.
Писатель слов и сочинитель фраз,
Не дописал ты повесть до конца!

ТОРГОВЦЫ ТЕНЬЮ

Мы знаем цену каждому мгновенью.
Платить за все придет однажды срок.
Я как-то раз пробрался на Восток,
Там, между прочим, есть торговцы тенью.
Они располагаются под сенью
Больших деревьев около дорог,
А чаще — в нишах. И за вход в мирок,
Наполненный прохладой и ленью,
Берут пятак. Заплатишь и лежишь...
— Не ешь кишмиш и не кури гашиш,
А тень купи! Она дешевле дыни
Здесь в городе! — торговец мне шептал. —
Но понимаешь: весь свой капитал
Отдашь ты за нее среди пустыни!

РЕКА ТИШИНА

— Ты хотел бы вернуться на реку Тишину?

— Я хотел бы. В ночь ледостава.

— Но отыщешь ли лодку хотя бы одну

И возможна ли переправа

Через темную Тишину?

В снежных сумерках, в ночь ледостава,

Не утонешь?

— Не утону!

В городе том я знаю дом.

Стоит в окно постучать — выйдут меня встречать.

Знакомая одна. Некрасивая она,

Я ее никогда не любил.

— Не лги!

Ты ее любил!

— Нет! Мы не друзья и не враги.

Я ее позабыл.

Ну так вот. Я скажу: хоть и кажется мне,

Что нарушена переправа,

Но хочу еще раз я проплыть по реке Тишине

В снежных сумерках, в ночь ледостава.

— Ночь действительно ветреная, сырая.

В эту ночь, трепеща, дотлевают поленья в печах,

Но кого же согреют поленья, в печах догорая?

Я советую вспомнить о более теплых ночах.

— Едем?

— Едем!

Из дровяного сарая

Братья ее вынесут лодку на плечах

И опустят на Тишину.

И река Тишина у метели в плену,

И я на спутницу не взгляну,

Я только скажу ей: «Садитесь в корму!»

Она только скажет: «Я плащ возьму,

Сейчас приду...»

Плывем во тьму,

Мимо предместья Волчий хвост,

Под Деревянный мост,

Под Оловянный мост,

Под Безымянный мост...

Я гребу во тьме,

Женщина сидит в корме,

Кормовое весло у нее в руках.

Но, конечно, не правит — я правлю сам!

Таит снег у нее на щеках,

Липнет к ее волосам.

— А как широка река Тишина?

Тебе известна ее ширина?

Правый берег виден едва-едва —

Неясная цепь огней...

А мы поедem на острова.

Ты знаешь — их два на ней.

А как длинна река Тишина?

Тебе известна ее длина?

От полночных низин до полдневных высот

Семь тысяч и восемьсот

Километров — повсюду одна

Глубочайшая Тишина!

В снежных сумерках этих
Все глуше уключин скрип.
И замирают в сетях
Безмолвные корчи рыб.
Сходят с барж водоливы,
Едут домой лощманá.
Незримы и молчаливы
Твои берега, Тишина.
Все медленней серые чайки
Метель отшибают крылом...
— Но погоди! Что ты скажешь хозяйке?
— Чайки метель отшибают крылом...
— Нет, погоди! Что ты скажешь хозяйке?
— Не понимаю — какой хозяйке?
— Которая в корме склонилась над веслом.
— О! Я скажу: «Ты молчи, не плачь.
Ты не имеешь на это права
В ночь, когда ветер восточный — трубач
Трубит долгий сигнал ледостава».
Слушай!
Вот мой ответ —
Реки Тишины нет.
Нарушена тишина.
Это твоя вина.
Нет!
Это счастье твое.
Сам ты нарушил ее,
Ту глубочайшую Тишину,
У которой ты был в плену.

КУВШИНКА

Цвела кувшинка на Руси...
В пруду, где дремлют караси,
Купался ты. И вдруг она
Всплыла, как будто бы со дна.
И ты спросил ее во тьме:
— Цветок! В своем ли ты уме?
А если я тебя сорву?
— Сорви! Не бойся. Оживу!

...Кувшинкам трудно — до вершин.
Кувшинкам хочется в кувшин,
Хотя бы очень небольшой,
Но с человеческой душой.

ПИРЕТРУМ

Всю страсть, которая имелаь,
И всех своих желаний зрелость
Он отдал вам. А где их целость?
Вы точно черная монашка.
...Так, черноморская ромашка
Качается под знойным ветром,
А получается —
Пиретрум!

•

СПОР

— Искусство — это подвиг! —
Я убеждал сестру. —
Искусство — это подвиг! —
Она в ответ:

— Умру!

— Нет, не умрешь! Ты сильной, —
Сказал я, — быть должна! —
А день был душный, пыльный...
Круглые времена!

РАВНОПРАВЬЕ

Я знаю,
Что женщины
Тоже крылаты.
Мне ведомо это —
Ведь я не ребенок.
За матриархатом
Был век амазонок.

Кому ж равноправье свое отдала ты?

Открою глаза
И увижу я тотчас
Бесстрашных разведчиц
И яростных летчиц.
Густые леса и святые пустыни
Расскажут, какие у нас героини.
И были они и останутся явью.

А ты?
Где оно?
Где твое равноправье?
Зачем в обнаженный комочек ты сжалась,
Держась лишь за право на слабость и жалость?
Ведь ты ж величава. Ответ не лукавя,
Кому отдала ты свое равноправье,

Ссылаясь на слабость и нежность здоровья?
Ведь ты же его заработала кровью.
А летчицы
В небе летают и ныне,
Актрисы
По сцене идут, как богини.
Ты знаешь про это.

Я был твой поклонник,
Я был твоего равноправья сторонник.
Я им и остался.
При чем же здесь сонник,
Свеча и обличие карточной дамы?

Ведь ты же была героинею драмы!

В МИРЕ СОРНЫХ ТРАВ...

За горизонтом,
В мире сорных трав,
Где блещут солонцовые плешины,
Лежат ничком старинные машины.

Старинные....
Сказавши так, я прав.
Агрикультура знает много тайн.
Таинственен и сложен чрезвычайно
И вовсе не походишь на комбайн
Ты, предок современного комбайна!
Не лошадьми ль толкаемый вперед,
Возник из австралийского ты зноя?
Австралия!
Там все наоборот!

А вот еще чудовище иное:
Котлы, каких не видывал и ад, —
К их тяжким чревам ржавчина пристала.
Вы не жалели черного металла,
Конструкторы, полсотни лет назад!
И напролом ломилась эта сила,
Как будто паром был он сыт и пьян,
Такой Ойль-Пуль.
И вот его могила,

И шелестит вокруг него бурьян!
Здесь.
За холмами,
В мире сорных трав,
Где над солончаковою плешиною
Крушины ствол возвысился, коряв,
Стою я перед мертвою машиной
И отхожу, ни слова не сказав.

Но думаю:
Всегда бывает так!
Еще недавно твердь под ним дрожала,
Все грохотало
И толпа зевак,
Ликуя, как за чудищем, бежала.
И вот теперь
На грани роковой
Лежит недвижен, ржав, тяжеловесен...
А иногда
Бывает таковой
Судьба людей, идей
и старых песен.

ЭРЦИНСКИЙ ЛЕС

Я не таил от вас
Месторожденья руд.
Пусть ваш ласкает глаз
Рубин, и изумруд,
И матовый топаз,
И золотой янтарь,
Я звал вас много раз
Сюда —
Недавно,
Встарь!

Я говорил, что дик
Мой отдаленный край.
Я говорил: — Язык
Деревьев изучай! —
Я звал вас много раз
Сюда, в Эрцинский лес,
Чьи корни до сердец,
Вершины до небес.

Я звал вас много раз
И на степной простор,
Где никогда не гас
Пастушеский костер.
Я звал вас в пыльный рай

Необозримых стад.
Делить все, чем богат,
Я был бы с вами рад!

Но посылали вы
Сюда лишь только тех,
Кто с ног до головы
Укутан в темный грех.
Ведь правда было так?
Труби, норд-ост могуч,
Что райских птиц косяк
Летит меж снежных туч!
Косяк безгрешных душ
Ему наперерез.
Пути, зима, завьюжь!
В снегах Эрци́нский лес.

В снегах Эрци́нский лес,
В снегах Эрци́нский лес,
Чьи корни до сердец,
Вершины до небес!

МЕТЕЛИ НАЛЕТЕЛИ

Метели
Налетели,
Окошки запотели,
Пупырышки на теле...
Мы скорбны, мы угрюмы,
Я знаю ваши думы,
Когда морозный сон
Сошел на стадион, нагой, как полигон.
И стынут на бульварах, оградах и заборах,
На складах, на амбарах, вокзалах и соборах
Промерзлые пласты звенящей пустоты,
Павлинии хвосты, нет тела у которых.
И сам ты как кристалл, который отблистал.
О ты, студеных скал ничтожная частица,
Во что бы превратиться сегодня ты мечтал?
В мехов пушистый ворох?
— Нет!
В топливо в моторах?
— Нет!
В динамит и порох!

ПОДСОЛНУХ

1

Сонм мотыльков вокруг домовладенья
Порхал в нетерпеливом хороводе,
Но, мотыльков к себе не допуская,
Домохозяин окна затворил,
И мне, судьбой дарованному гостю,
Открыл он двери тоже неохотно.
Я понял, что ночное чаепитье
Организовано не для меня.

Я это понял.
Что же было делать?
Вошел я.
Сел к столу без приглашенья.
Густое ежевичное варенье
Таращило засахаренный глаз;
И пироги пыхтели осуждая;
И самопар заклокотал, как тульский
Исправник, весь в медалях за усердье, —
Как будто б я все выпью, все пожру!

— Она приехала! — сказал художник.
И вот я жду: поджавший губки ангел,
Дыша пачулями, шурша батистом,
Старообразно выпорхнет к столу.

Но ты вошла...
Отчетливо я помню,
Как ты вошла — не ангел и не дьявол,
А теплое здоровое создание,
Такой же гость невольный, как и я.
Жена ему?
Нет!
Это толки, враки,
Рожденные в домашнем затхлом мраке, —
Ему, который высох, точно посох,
Вовек не целовать такой жены!
Я это понял. Одного лишь только
Не мог понять: откуда мне знакомы
Твое лицо, твои глаза, и губы,
И волосы, упавшие на лоб?
Я закричал:
— Я видел вас когда-то,
Хотя я вас и никогда не видел,
Но тем не меньше видел вас сегодня,
Хотя сегодня я не видел вас!

И повторяя:
— Я вас где-то видел,
Хотя не видел...
Чаю?
Нет, спасибо! —
Я встал и вышел.
Вышел на веранду,
Где яростно метались мотыльки.

Ты закричала:
— Возвратитесь тотчас! —
Я на веранду дверь раскрыл широко,

И в комнату ворвалось сорок тысяч
Танцующих в прохладе мотыльков.
Те мотыльки толклись и кувыркались,
Пыльцу сшибая с крылышек друг другу,
И довели б до головокружения,
Когда б я не глядел в твои глаза.

2

Не собирался он писать картину,
А вынул юношеские полотна
В раздумии: нельзя ль из них портянки
Скроить себе? И тупо краску скреб.
Затем его окликнули соседи.
Надевши туфли, он пошел куда-то,
Оставив полотнище на мольберте
И ящик с красками не заперев.

Заманчивым дыханием искусства
Дохнули эти брошенные вещи,
И я — хотя совсем не живописец —
Вдруг ощутил стремленье рисовать.
Тут маковое масло из бутылки
Я вылил, и на нем растер я краски,
И, размягчив в нем острый хвостик кисти,
Я к творчеству бесстрашно приступил.
Тебя я рисовал.
Но вместо тела
Изобразил я полнокровный стебель,
А вместо плеч нарисовал я листья,
Подобные опущенным крылам.
И лишь лицо оставил я похожим
У этого бессильного подobia —

Прекрасного, но пленного растения,
Ушедшего корнями в огород.
И хрен седой растет с тобою рядом,
И хнычут репы, что земля на грядках
Черна. И всех своим нехитрым ядом
Перетравить мечтает белена.
И солнца нет. За облаками скрыто
Оно. И огородница подходит,
Морщинистыми, дряхлыми руками
Схватила за прекрасное лицо...

Художник тут вбежал,
Он крикнул:
— Кто вам позволил рисовать?
— Идите к черту! — ему я сдержанно сказал
И тотчас
Покинул этот серый, пыльный дом.

3

Вы ночевали на цветочных клумбах?
Вы ночевали на цветочных клумбах —
Я спрашиваю!
Если ночевали,
Какие сны вам видеть удалось?

Покинув дом, где творчество в запрете,
Весь день метался я, ища квартиру,
Но ни одна квартирная хозяйка
Меня не допустила ночевать.
Они, крестясь, захлопывали двери
И плотно занавешивали окна
Дрожащими руками. Слишком страшен

Был вид и взгляд мой...
Наступила ночь,
И сумрачно постлал я одеяло
Меж клумб под сенью городского сада.
Но сон не брал. И травы щекотались.
И вбóроны рычали с тополей.
Так ночь прошла.
Рассвета не дождавшись,
По улицам сырым, туманным, серым
Я вышел за город.
В глазах двоились
Тропиночки, ведущие в поля.

И был рассвет!
Земля порозовела.
В ней зрели свеклы.
Я стоял, вдыхая
Все запахи земли порозовевшей.
Рассвет прошел.
И день настал в полях.
Я не стоял. Я шел вперед, вдыхая
Медвяный запах длящегося полдня,
Ища чего-то и не находя.

Но голоса растений властно шепчут:
«Ищи, ищи!»
И вдруг на перекрестке
Дорог, ведущих в будущие годы,
Ты появилась, как из-под земли.

Ты закричала:
— Где вы ночевали?
Чем завтракали?

Сколько беспокойства
Вы причинили мне своим уходом!
Вторые сутки, как я вас ищю!

Все кончилось.
На розовой поляне
Пьем молоко, закусываем хлебом,
И пахнет перезрелой земляникой
Твой теплый хлеб...

Июльская земля
Нам греет ноги.
Ласкова к скитальцам
Всезнающая, мудрая природа.

Подсолнух!
Из чужого огорода
Вернулся ты в родимые поля!

.

СОН ПОДСОЛНУХА

Старый хрен растет со мною рядом,
Стонут репы, что земля черна,
И детей своим нехитрым ядом
Отравить мечтает белена.

Солнце! Скрылось ты за облаками!
Скоро огородница придет,
Мощными, шершавыми руками
По венцу тихонько проведет.
— Семя, — говорит она, — созрело!
Мы его поджарим и сгрызем! —
Так открутит голову. А тело
Упадет, ломаясь, в чернозем.

Уцелею ли, простой подсолнух,
Если не сумею в эту ночь
Напряженьем сил еще неполных
Цепкость этих рук превознемочь!

Ну, рванись! Употреби усилия,
Глядя ввысь, в лазоревую ширь,
Листья, превращаемые в крылья,
Над землей упрямо растопырь.

Ну, рванись! Употреби усилия!
Ведь летает даже нетопырь!

Листья, превратившиеся в крылья,
Над землею мощно растопырь.

Пусть бегут и улицы и дворня,
Пусть кричат:
— Сгрызем его, сгрызем! —
Взвейся в небо, осыпая с корня
На головы жирный чернозем!

Но земля,
Упорная, за корень
Уцепилась:
— Ты куда? Постой!
Поволнуйся, горд и непокорен.
Это и зовется красотой!

ЕРМАК

Еще торчит татарская стрела
В стволе сосны на берегу тобольском,
Смердят непогребенные тела
Там, на яру, еще от крови скользком.

— Мы голову Кучуму отсечем! —
Сказал Ермак. — Сибирь на меч подьемлю! —
Он вынул меч. И боевым мечом
Ударил в землю и разрыхлил землю.

Подходит пленник. Он хитер и стар,
Мурза татарский с жидкими усами.
— Ермак могилу роет для татар? —
Ермак в ответ: — Ее вы рыли сами!

И засмеялся. Острием меча
Он продолжает рыть еще упорней.
Он рушит дерн. И слышно, как, треща,
Растений диких лопаются корни.

Земля, на меч налипшая, жирна:
В ней кровь, в ней пепел от лесных пожаров.
— Кольцо! Достань-ка горсточку зерна —
Немолотое есть у кашеваров.

...Глядят на атамана казаки
И пленники — праправнуки Батыя.
Летят из атамановой руки
В сырую землю искры золотые.

«Я много ль сеял на своем веку?» —
Так думает страны завоеватель.
Иван Кольцо подходит к Ермаку,
Его помощник и большой приятель.

Ивану заглянул Ермак в лицо
И шепчет он — тревогой полон голос:
— Как думаешь, дружок Иван Кольцо,
Не вытопчут? Взойдет? Созреет колос?

МОРСКОЕ ДНО

Я шел ко дну,
Дошел до дна,
Пошел по дну —
И не страшна
Мне никакая глубина!

Я изучил морское дно:
Оно пустынно и темно,
И по нему, объят тоской,
Лишь таракан ползет морской;
Морская там горит звезда,
Морская там шипит змея...

А я?
Я не вернусь туда,
И даже кажется, что я
И не бывал там никогда...

Но бьет о мол
Могучий вал,
Кричит орел,
Скрипит штурвал:
— Бывал! Бывал! Ты там бывал!

Ты шел ко дну,
Дошел до дна,

Пошел по дну —
И не страшна
Тебе морская глубина.
Ты сам сказал: — Не утону!

НОРД-ОСТ

Я норд-ост, родился в тундре,
Но ее покинул вскоре,
Чтоб иные видеть зори
На далеком Черном море.

Выл я в горном коридоре,
На степном ревел просторе
И теперь, рожденный в тундре,
Я бушую в теплом море.

Так, принявши облик бури,
Мы летим. Пора настала,
Чтоб о нас иное море
Днем и ночью грохотало.

ПЕРЕПРАВА

Туман. Река. Клубятся облака.
Я жду. И вместе ждут у переправы
Охотники, солдаты, гуртоправы,
Врачи, крестьяне... Всех томит тоска.
Толкуют, что сюда не для забавы
Пришли. И переправа не легка.
И вообще дорога далека...
Так говорят. И я в ответ:
— Вы правы! —
Тут кто-то вдруг: — Паром! Паром! —

кричит,

А изо мглы не эхо ли звучит:
— Харон! Харон! —
Я слышу это имя.
Вот перевозчик. Медленно гребет.
Приткнулась лодка. Кинулся народ.
И на борт я вступаю вслед за ними.

Мой правый берег, навсегда прости!
К твоим низинам не вернусь песчаным.
Вздымай, река, стремительно кати
Крутые гребни в сумраке туманном!

Но поведение кажется мне странным

Гребца.

— Ты трезв? —

Молчит.

— Устал грести?

— Устал. —

А в лодке душ до тридцати.

— Пусти на весла! Говорю — пусти! Пусти,
проклятый! —

И в бессилье пьяном

Тут впрямь от весел отвалился он,

И ветер веет пепел с небосклона,

И на меня глядят со всех сторон

Все тридцать душ тревожно, напряженно.

А я неторопливо, монотонно

Гребу во мрак.

Меня зовут Харон!

И все понятно.

Над водой встают дебаркадеры, статуи и зданья.

Всех городов я вижу очертанья,

Где находил когда-то я приют.

Я позабыл оставленный уют,

На деловые не пойду свиданья,

И той, что любит, слышу я рыданья.

Нет, я не тут! Харон меня зовут!

— Харон! Харон! — кричат на берегу.

Напрасный зов! Не превозмогу

Стремительность подводного теченья.

И вёсел все медлительней размах.

Ведь все равно за Стиксом на холмах

Все встретимся мы там без исключенья!

Так я решил.

И левый берег, крут,

Вдруг встал из мглы. И веет с этой суши
Горячим ветром.
Трепещите, души!
Суд ждет вас здесь! Последний страшный суд!
Но почему такое равнодушие?
Не мечутся, не плачут, не клянут,
А слышу я:
— Причаливай вот тут!
— Да нет, не тут, а здесь вот, где посуше!
Неужто вы не видите мостков?

Эреб, Эреб! Так вот ты есть каков!
Чу! Звон подков. Гудки грузовиков.
И лодочник, во всю орущий глотку,
Чтоб услышал бы весь загробный мир:
— Озорничал вот этот пассажир!
Сам, видно, пьяный! Всполошил всю лодку!

ПУТЕШЕСТВЕННИК

Друзья меня провожали
В страну телеграфных столбов.
Сочувственно руку мне жали...
Вооружен до зубов?
«Опасностями богата
Страна эта? Правда ведь? Да?
Но мы тебя любим, как брата,
Молниуй, коль будет нужда!»

И вот она на востоке,
Страна телеграфных столбов,
И люди совсем не жестоки
В стране телеграфных столбов,
И есть города и селенья
В стране телеграфных столбов,
Гулянья и увеселенья
В стране телеграфных столбов!

Вхожу я в железные храмы
Страны телеграфных столбов,
Оттуда я шлю телеграммы —
Они говорят про любовь,
Про честь, и про грусть, и про ревность,
Про то, что я все-таки прав.
Твоих проводов песнопевность
Порукой тому, телеграф!

Но все ж приближаются сроки,
Мои дорогие друзья!
Ведь я далеко на востоке —
Вам смутно известно, где я.

Ищите меня, телефоньте,
Молнируйте волю судьбы!
Молчание.
На горизонте
Толпятся немые столбы.

ПРАВДА

В равнинах Востока, багряных от зноя,
Где водит июль соляные смерчи,
Тревожно сжимается сердце родное...
Ты просишь меня:

— Отвечай! Не молчи!
Ведь скоро и осень.
И ливень осенний
Ударит о крыши, железо дробя!
Ответь!
Не молчи!

Но взамен объяснений
Я песню пою про тебя, про тебя!

Нет! Я не молчу!
Мы увидимся скоро,
Тебя обниму я, все больше любя.
Но слышишь! — взамен телефонного спора,
Ты слышишь! — взамен телеграфного вздора
Я песню пою про тебя, про тебя!
Где я?
Я в народе наполненных залах,

В высоких мансардах, в богатых дворцах,
Бываю на пристанях я и вокзалах,

На пашнях, в болотах и на солонцах.
Я в небе бываю, где солнце цветное,
Могущество туч и ветра горячи.
Я в шахтах и там, за магнитной стеною,
Где денно и ночью куются мечи.

Я всюду!
И ты!
Ты повсюду со мною!
Не надо тревожиться, сердце родное!
А ты говоришь: — Отвечай, не молчи!

Волнуешься ты. И последних известий
У старого радио трепетно ждешь,
Но ты не тревожься!
Мы вместе! Мы вместе!
А все остальное — глубокая ложь!

КЛЮЧ

День кончился.
Домой ушел кузнец —
Знакомый, даже свойственник мне дальний.
Я в кузнице остался, наконец,
Один. И вот, склонясь над наковальней,
Ключ для очей, для уст и для сердец
Я выковал. Мерцал он, как хрустальный,
Хоть был стальным — та сталь была чиста,
И на кольце твое стояло имя.

Тебе я первой отомкну уста!
И я пришел и отомкнул уста,
Но тотчас их связала немота —
Так тесно сблизились они с моими!

Тут сердце я открыл твое ключом,
Чтоб посмотреть, что будет в нем и было,
Но сердце не сказало ни о чем,
Чего б не знал я. Ты меня любила.

И я решил открыть твои глаза,
Чтоб видеть все смогли они до гроба,
Но за слезой тут выпала слеза...
Я говорю: не радость и не злоба,
А слезы затуманили глаза,
Чтоб ничего не видели мы оба!

ТОСКА

Жил на свете я до сорока лет
И не знал никогда, что такое тоска. Нет.
Даже знать я не знаю, что такое тоска. Мне
Никогда не бывала она близка.
Ни ночами во сне
И ни наяву
Никогда не зову
Эту самую деву я, Грусть.
Говорят иногда,
Что она и сюда
Заезжала —
И пусть!
Я — появится если она — улыбнусь,
А объявит она, что со мною должна
Повстречаться одна, —
Рассмеюсь.
Я ее не боюсь!
Что такое она?
Если взвесить все и учесть —
Есть на свете Надежда, и Вера, и Мудрость
и есть
Мечь, и Гордость, и Ревность, и Верность,
и Страсть...
А с тоской этой, с Грустью, ни в рай
и ни в ад не попасть.

Пусть имеет она над другими верховную власть.
Да уж лучше к земле я ничком припаду
Да зарююсь в пески,
Захочу — улечу на другую звезду,
А уйду от тоски.
У меня две руки,
У меня кулаки,
А у ней под глазами круги велики,
У меня есть товарищи-весельчаки...
Боже мой,
Помоги
Мне уйти от тоски!

Замечали —

По городу ходит прохожий?

Вы встречали —

По городу ходит прохожий,

Вероятно, приезжий, на нас не похожий?

То вблизи он появится, то в отдаленье,

То в кафе, то в почтовом мелькнет отделенье.

Опускает он гривенник в щель автомата,

Крутит пальцем он шаткий кружок циферблата

И всегда об одном затевает беседу:

— Успокойтесь, утешьтесь — я скоро уеду!

Это — я!

Тридцать три мне исполнилось года.

Проникал к вам в квартиры я с черного хода,

На потертых диванах я спал у знакомых,

Преклонивши главу на семейных альбомах.

Выходил по утрам я из комнаты ванной.

«Это гость, — вспоминали вы, — гость не незванный,

Но, с другой стороны, и не слишком желанный.

Ничего! Беспорядок у нас постоянный!»

— Это гость, — поясняли вы мельком соседу

И попутно со мной затевали беседу:

— Вы надолго к нам снова?

— Я скоро уеду!

— Почему же? Гостите. Придете к обеду?
— Нет.
— Напрасно торопитесь! Чаю попейте!
Отдохните да кстати сыграйте на флейте!

Да! Имел я такую волшебную флейту.
За миллионы рублей ту я не продал бы флейту.
Разучил же на ней лишь одну я из песен:
«В Лукоморье далеком чертог есть чудесен!»
Вот о чем вечерами играл я на флейте.
Убеждал я: поймите, уразумейте,
Расскажите знакомым, шепните соседу,
Но, друзья, торопитесь — я скоро уеду!
Я уеду туда, где горят изумруды,
Где лежат под землей драгоценные руды,
Где шары янтаря тяжелеют у моря!
Собирайтесь со мною туда, в Лукоморье!
О! Нигде не найдете вы края чудесней!

И являлись тогда, возбужденные песней,
Люди. Разные люди. Я видел их много.
Чередой появлялись они у порога.
Помню — некий строитель допрашивал строго:
— Где чертог? Каковы очертанья чертога? —
Помню также: истории некий учитель
Все пытал: — Лукоморья кто был покоритель? —
И не мог ему связно ответить тогда я...
Появлялся еще плановик, утверждая,
Что не так велики уж ресурсы Луккря,
Чтобы петь о них песни, на флейте играя.
И в крылатке влетал еще старец хохлатый,
Непосредственно связанный с Книжной палатой.
— Лукоморье! Изволите звать в Лукоморье!

Лукоморье отыщете только в фольклоре! —
А бездельник в своей полосатой пижамке
Хохотал: — Вы воздушные строите замки! —
И соседи, никак не участвуя в споре,
За стеной толковали:
— А?
— Что?
— Лукоморье?
— Мукомолье?
— Какое еще Мухоморье?
— Да о чем вы толкуете? Что за история?
— Рукомойня? В исправности.
— На пол не лейте!
— Погодите — в соседях играют на флейте!

Флейта, флейта!

Охотно я брал тебя в руки.

Дети, севши у ног моих, делали луки,

Но, нахмурившись, их отбирали мамыши:

— Ваши сказки, а дети-то все-таки наши!

Вот сначала своих воспитать вы сумеете,

А потом в Лукоморье зовите на флейте! —

Флейту прятал в карман.

Почему ж до сих пор я

Не уехал с экспрессом туда, в Лукоморье?

Ведь давным бы давно уж добрался до гор я,

Уж давно на широкий бы вышел простор я.

Объясните знакомым, шепните соседу,

Успокойте, утешьте — я скоро уеду!

Я уеду, и гнев стариков прекратится,

Злая мать на ребенка не станет сердиться,

Смолкнут толки соседей, забулькает ванна,

Распрямятся со звоном пружины дивана.

Но сознайтесь!
Недаром я звал вас, недаром!
Пробил час — по проспектам, садам и бульварам
Все пошли вы за мною, пошли вы за мною,
За мою спиною, за мою спиною.
Все вы тут! Все вы тут! Даже старец крылатый,
И бездельник в пижаме своей полосатой,
И невинные дети, и женщина эта —
Злая спорщица с нами, и клоп из дивана...
О холодная ясность в чертоге рассвета,
Мерный грохот валов — голоса океана.
Так случилось —
Мы вместе!
Ничуть не колдуя,
В силу разных причин за собой вас веду я.
Успокойтесь, утешьтесь!

Не надо тревоги!

Я веду вас по ясной широкой дороге.
Убедитесь: не к бездне ведет вас прохожий,
Скороходу подобный, на вас непохожий, —
Тот прохожий, который стеснялся в прихожей,
Тот приезжий, что пахнет коричневой кожей,
Неуклюжий, но дюжий в тужурке медвежьей.
...Реки, рощи, равнины, печаль побережий.
Разглядели? В тумане алеют предгорья.
Где-то там, за горами, волнуется море.
Горы, море... Но где же оно, Лукоморье?

Где оно, Лукоморье, твое Лукоморье?

ЧИСТОЕ НЕБО

Не ювелирные изделия,
Не кости для пустой игры,
Не кружевные рукоделия
И не узорные ковры,
Не шелка облако душистое,
Не цирк и даже не кино, —
Я покажу вам небо чистое.
Не видывали давно?
Быть может, книгу перелистывая,
Вы скажете:
— Какое мглистое,
Какое смутное оно! —
Бывает так...
Но все равно
Я покажу вам
Небо чистое.

1947

О лес!
Он был густ.
Ловил ты птиц в сетку,
Ветвей любил хруст.
И ты нашел куст!
И, выбравши ветку,
Не вырезал хлыст
И сделал не клетку,
А, внемля рассудку,
Ты выдолбил дудку.

Вот лист.
Он был чист.
Тут все было пусто.
Он станет холмист,
Скалист и ветвист
От грубого чувства.
И это — искусство!
Мое это право!
Я строю свою
Державу,
Где заново все создаю!

ЦАРЬ ПРИРОДЫ

И вдруг мне вспомнилось:
Я — царь!
Об этом забывал я годы...
Но как же быть?
Любой букварь
Свидетельствовал это встарь,
Что человек есть царь природы!

Одевши ткани и меха,
На улице я молча вышел.
Прислушиваюсь.
Ночь тиха.
Себе я гимнов не услышал.
Но посмотрел тогда я ввысь,
Уверенности не теряя,
И вижу:
Звезды вдруг зажглись,
Как будто путь мне озаряя
И благосклонно повторяя:
— Ты — царь природы! Убедись!

Что ж, хорошо!
Не торопясь,
Как будто просто так я, некто,
Не царь и даже и не князь,

Дошел я молча до проспекта.
Как убедиться мне скорей,
Высок удел мой иль плачевен?
При свете фар и фонарей
Толпу подобных мне царей,
Цариц, царевичей, царевен
Я наблюдал. Со всех сторон
Шли властелины без корон.

Я знал, что в этот поздний час
Царь воздуха, забыв про нас,
Витал меж туч. Владыка касс
Свои расчеты вел сейчас.
Царь лыж блуждал по снежным тропам,
Царь звезд владычил телескопом.
А царь бацилл над микроскопом
Склонился, щуря мудрый глаз.

Я наблюдал. Издалека
Заметил я: царь-оборванец,
Великий князь запойных пьяниц
Ничком лежит у кабака.
А тоже царь. Не самозванец.

А вот я вижу пешехода,
Одетого вдвойне пестрей
Всех этих остальных царей
И при короне. Бладобрей
Ему корону на полгода
Завил, как то диктует мода.

Эй, вы! Подвластна вам природа?
Ну, отвечайте поскорей!

Вам сотворили чудеса
В искусствах, равно как в науке,
Вам покорили небеса,
Вам атом передали в руки.
Цари вы или не цари,
А существа иной породы?
Быть может, ввали буквари,
Что человек есть царь природы
Во множестве своем один?
Эй ты, природы господин!
Скажи мне: царь ты или князь?
Держаешь ты природой править?
А он в ответ: «Прошу оставить
Меня в покое!» И, боясь,
Что, может быть, его ударю,
Что кулаки я, вздрогнув, сжал,
Он, недостойно государя,
По-мышьи пискнув, отбежал.

О царь! Прошу тебя: цари!
Вынь из ушей скорее вату!
К тебе, возлюбленному брату,
Я обращаюсь — посмотри!
Разбужен оттепелью ранней,
Услышишь завтра даже ты:
Она трубит из темноты
Со снежных крыш высоких зданий
В свой серебристый звонкий рог,
Сама Весна! Ясак, оброк —
Как звать не знаю эту дань —
И ты берешь с природы. Встань!
Ведь это же твоя земля!
Твои обрубки — тополя

Стоят, сучками шевеля,
Тебя о милости моля!
Прислушайся к хвале ручьев,
Прими посольство соловьев
И через задние дворы
Иди, о царь своей свободы,
Принять высокие дары
От верноподданной природы!

Ночь.

Где-то там, на страшной высоте,
Спят кратеры и цирки на луне.
А на земле, конечно, тоже спят.
Да, многие разделись и легли,
Объяты негой с головы до пят.
Но на обратной стороне земли,
Где ровно в полночь полдень на часах,
Под раскаленным солнцем в небесах,
Бушует день в жарнице и в пыли.
И стоит передвинуть рычажок,
Чтоб ветер нескончаемого дня
Из сумрака нахлынул и ожег
Меня!
И безвозвратно истекла
Секунда-ночь, пахуча и тепла,
Как пепел дня, сгоревшего дотла.
Да! Спят, конечно, мертвые тела.
Да в гулких урнах жирная зола,
Да где-то на огромной высоте
Спят кратеры и цирки на луне,
А все земные кратеры кипят!

Тень
Телевизорной
Антенны,
Похожая на букву «Т»,
Легла на мраморные стены,
Напоминая о кресте.

Но
Не о том
Кресте соборном
У Бауманского метро,
А — древнем, трехконечном, черном,
Как в шкуру вросшее тавро.

Известно
Из литературы,
Да и понятно без нее,
Что могут
Древние фигуры
Менять значение свое.

И дни придут,
И кто-то снова,
Увидев вещь, как буква «Т»,
Но назначения иного,
Припомнит уж не о кресте,

Но
О другом изобретеньи
Давным-давно минувших дней, —
О телевизорной
Антенне
И всем, что делалось под ней!

СНЕГ

Снег,
Весь истыканный лучами,
Нахохлился и в землю врос,
Но все ж студеными ночами
Кой-что дарит ему мороз.

Почти тепло,
Но только все же
Взгляни:
В тени,
Когда идешь,
Поверженная стужа,
Лежа,
Еще в руке сжимает нож.

Там в тишине
Лежит
У ног,
А в пятерне
Дрожит клинок.

Как полумертвыми врагами
В такие дни, среди весны
Мы полумертвыми снегами
Окружены.

Они
В тени
Лежат
У ног,
Но ты взгляни:
Зажат
Клинок!

ЛВЯТА

Сад
Нас встречал
Все теми же дубами.
Но пыльными древесными губами
Дубы сказали:
 «Не припоминаем!
Ты нам чужая!»
Будто угрожая,
Они шумели: «Мы тебя не знаем!»
И показалось:
Все уже забыто.
Но в это время, будто вспомнив что-то,
Лениво встал,
Изваян из гранита,
Тот самый лев, что охранял ворота:
«А! Ты пришла! Не скрылась без возврата?
Вот погляди-ка, что у нас творится!»
И стало ясно:
У гранитной львицы
За это время
Выщенились львята.
И это были не воспоминанья,
А явственно увидел среди листвы я:
Пасутся эти дети изваянья,
Когтистые, глазастые — живые!

Никого,
Ничего!
Ручеек пересох.
Только в русле его
Серебрится
Песок.

Он
Клубится слегка,
Чтоб рука не взяла,
Будто вместо песка
Только
Пепел,
Зола.

Но
И в пепле еще
Естество не мертво.
— Горячо?
— Горячо! —
Ничего, ничего!

Ведь
Повсюду, везде
И куда ни шагнем

На остывшей звезде,
Где играли с огнем,
 Хорошенько
 Пошарь,
Углубись, поищи, —
И пробьются сквозь гарь
 Изобилья
 Ключи!

СКОМОРОХ

Есть на земле высокое искусство
Будить в народе дремлющие чувства,
Не требуя даров и предпочтенья,
Чтоб слушали тебя не из почтенья,
Чтоб, слышав раз, послушали и снова,
Чтоб ни одно не позабыли слово,
Чтобы в душе — не на руках! — носили!
Ты о такой мечтал словесной силе?
Но, не смущаясь гомоном и гамом,
На площади меж лавками и храмом,
Где блеют маски и скрежещут доски,
Сумей взойти на шаткие подмости,
Как великан в неистовстве упрямом!
Пускай тебя за скомороха примут,
Пускай тебя на смех они подымут,
Пусть принимают за канатоходца —
Употреби высокое искусство
Будить и в них их дремлющее чувство.
И если у тебя оно найдется,
Так и у них, наверное, проснется!

БАЛЛАДА ПРО ВЕЛИКИЙ ПУТЬ

Великий путь!
Великий путь!
Когда идет состав-колосс,
В чугунном рокоте колес
Я слышу голос:
«Не забудь! —
Отец твой строил этот путь!» —
Кричит мне каждый паровоз.

Я вспоминаю эти дни
По сорок градусов в тени —
Кочевничьих урочищ лень,
Даль, где ни сел, ни деревень.
Я вспоминаю этот путь —
Сквозь степь, где блещут солонцы,
Стальную нить вперед тянуть
Вы шли, упорные отцы!

Отец мой скважины бурил,
Водой пустыню одарил, —
Я помню котлованов муть.
Отец мой строил этот путь.

С Урала
Прямо на Восток,
На Золотой далекий Рог

Отцы сумели дотянуть
К началу века этот путь.
Служебный помню я вагон —
Был, как огонь, багряный он.
А я, ребенок,
Из окна
Под насыпь глядя, под откос,
Среди полыни и берез
То зебру видел, то слона.
В чем правда этих детских грез?
Не зря играл я в ту игру —
Коров считал за кенгуру,
За тигров принимал телят,
Когда в кустах они шалят.
Псы-львы рычали у дорог,
Ведущих прямо на Восток.

Уже среди ребячьих игр
Я знал, что уссурийский тигр
Совсем не сказка, явь почти...

А что-то дальше на пути?
И говорил отец:
— Мечтай!
Поедешь в гости и в Китай,
А из Китая и в Сиам,
А там — куда захочешь сам
Поедешь в гости ты к друзьям!
С кем хочешь будешь ты дружить,
Но по-соседски мирно жить
Ты с ними должен!
Не забудь!
Затем и строю этот путь. —

Отец мой умер...
Но ко мне
Вчера явился он во сне.
Был в белом кителе своем.
Кокарда — якорь с топором —
Сверкала на фуражке. Он
Искал служебный свой вагон,
Вагон багряный, как огонь.

Сказал отец:
— Событий суть
Ясна!
Я строил этот путь —
Путь через степь, и через лес,
И через горы до небес.

А в страны грез своих мосты,
Надеюсь, сам достроишь ты.
Осуществить твои мечты
Я не успел. Не обессудь!

И грохотал из темноты
Толпой колес Великий путь!

И по земле моей кочуя,
Совсем не многого хочу я:

Хочу иметь такую душу,
Чтоб гибло все, что я разрушу;

Хочу иметь такую волю,
Чтоб жило все, чему позволю;

Сердце хочу иметь такое,
Чтоб никому не дать покоя;

Хочу иметь такое око,
Какое око у пророка.

Вот что хочу, хочу глубоко!

КОНЦЫ И НАЧАЛА

Под
Осень
Лес был желт, как лист
Оберточной бумаги в лавке.

Сейчас
Метель звучит, как свист
Хулиганья
Во время давки.

Каков же
Будет
Мир
Весной?

Неужто
Как
Цветок
В корзине?

Ужель
Блеснет
В июльский зной
Лишь пот на зверской образине?

Нет!
Ты и думать это брось!
Ни для кого
Уже не тайна:
Все,
Что
Обычно началось,
Кончается необычайно!

Зима.
Снежинка на реснице.
И человеку детство снится,
Но уйма дел у человека,
И календарь он покупает,
И вдруг он видит:
Наступает
Вторая половина века.

Наступит...
Как она поступит?
— Ну, здравствуй! — скажет. —
Праздник празднуй! —

И вместе с тем
Она наступит
На глотку
Разной
Мрази
Грязной.

Предвижу
Это наступленье
На всех отступников презренных!
Об этом,

Словно в иступленьи,
Декабрьский вихрь ревет в антеннах,
Звенит в зерне, шуршит в соломе,
Ломает хворост в буреломе...

...Двадцатый век на переломе!

СЕДЬМОЕ ЧУВСТВО

Мне кажется, что я воскрес.
Я жил. Я звался Геркулес.
Три тысячи пудов я весил.
С корнями вырывал я лес.
Рукой тянулся до небес.
Садясь, ломал я спинки кресел.
И умер я... И вот воскрес:
Нормальный рост, нормальный вес —
Я стал как все. Я добр, я весел.
Я не ломаю спинки кресел...
И все-таки я Геркулес.

ЭХО

Что такое случилось со мною?
Говорю я с тобой одною,
А слова мои почему-то
Повторяются за стеною,
И звучат они в ту же минуту
В ближних рощах и дальних пущах,
В близлежащих людских жилищах,
И на всяческих пепелищах.
И повсюду среди живущих.
Знаешь, в сущности, это неплохо!
Расстояние не помеха
Ни для смеха и ни для вздоха.
Удивительно мощное эхо.
Очевидно, такая эпоха!

НАРОД-ПОБЕДИТЕЛЬ

Возвращались солдаты с войны.
По железным дорогам страны
День и ночь поезда их везли.
Гимнастерки их были в пыли
И от пота еще солонны
В эти дни бесконечной весны.

Возвращались солдаты с войны!
И прошли по Москве, точно сны, —
Были жарки они и хмельны.
Были парки цветами полны.
В зоопарке трубили слоны —
Возвращались солдаты с войны!

Возвращались домой старики
И совсем молодые отцы —
Москвичи, ленинградцы, донцы...
Возвращались сибиряки!

Возвращались сибиряки —
И охотники, и рыбаки,
И водители сложных машин,
И властители мирных долин, —
Возвращался народ-исполин...

Возвращался?
Нет!
Шел он вперед,
Шел вперед
Победитель-народ!

Такие звуки есть вокруг,
Иными стать их не заставишь,
Не выразишь посредством букв,
Не передашь посредством клавиш.

И поручиться я готов:
Иную повесть слышать слышим,
Но с помощью обычных слов
Ее мы все же не запишем.

И своевольничает речь,
Ломается порядок в гамме,
И ходят ноты вверх ногами,
Чтоб голос яви подстеречь.

А кто-то где-то много лет
Стремится сглаживать и править.
Ну что ж! Дай бог ему оставить
На мягком камне рыбий след.

ЛЮБОВЬ

Ты жива,
Ты жива!
Не сожгли тебя пламень и лава,
Не засыпало пеплом, а только задело едва.

Ты жива,
Как трава,
Увядать не имевшая права;
Будешь ты и в снегах
Зелена и поздней покрова.

И еще над могилой моей
Ты взойдешь, как посмертная слава.
И не будет меня —
Ты останешься вечно жива.

Говори не слова,
А в ответ лишь кивай величаво —
Улыбнись и кивни,
Чтоб замолкла пустая молва.

Ты жива,
Ты права,
Ты отрада моя и отрава,
Каждый час на земле —
Это час твоего торжества!

Ночь
Становилась
Холодна.

Прибавил шагу я.

Навстречу
Скачками двигалась луна.
Но вдруг по грудь, затем по плечи
В нагое дерево ушла,
И через ветви провалилась,
И снова в небе появилась
Гораздо выше, чем была.

Вот так
Борец,
Почти поборот,
Оказывается наверху.

Один
Через морозный город
Я шел без шубы на меху.

УСТАЛОСТЬ

И все, о чем мечталось,
Уже сбылось,
И что не удавалось,
То удалось.
Отсталость наверсталась
Давным-давно.
Осталась лишь усталость.
Не мудрено!

Усталость разрасталась
В вечерней мгле;
Усталость распласталась
По всей земле;
Усталость становилась
Сильнее нас.
Но где ж, скажи на милость,
Она сейчас?

Прилег ты напоследки,
Едва дыша,
Но ведь в грудной-то клетке
Живет душа!
Вздыхнул. И что же сталося?
Твой вздох, глубокий,
Повеял на усталость,
Как ветерок.

Вот тут и шевельнулась
Она слегка,
Как будто встрепенулась
От ветерка
И — легкая усталость,
Не на века —
Развеялась, умчалась,
Как облака.

Примерзло яблоко
К поверхности лотка,
В киосках не осталось ни цветка,
Объявлено открытие катка,
У лыжной базы — снега по колено,
Несутся снеговые облака,
В печи трещит еловое полено...

Все это значит, что весна близка!

ГРАДУС ТЕПЛА

Все-таки
Разрешилось,
Больше терпеть не могла,
Гнев положила на милость.
Слышите:
Градус тепла!

И через зимние рамы
Школьный доносится гам,
К небу возносятся гаммы,
Чтение идет по слогам.

И на спортивных площадках
Лед под покровом воды
В трещинках, в отпечатках,
Будто цыплячьи следы.

Знаете, что это значит?
Это ведь он, наконец,
Прямо над лужами скачет
Градус тепла, как птенец.

Что уж он хочет, малютка,
Как уж он будет расти,
Как уж до первопутка
Он ухитрится дойти —

Кто его знает! Но радость
Всем нам весна принесла.
Вы понимаете: градус,
Благостный
Градус
Тепла!

СНЕГ ТАЕТ

Вот
Таёт снег.
И все, что мир из рук
Ронял к ногам во время стуж и вьюг,
Теперь вытаскивает. Вот оно —
Все, что зимой в снегах погребено:
Перчатки, шпильки, ржавые крючки,
Афиш громадных мелкие клочки
И капли слез, которые мороз
Исторг из глаз, и дробный след колес,
Который был еще в осенней мгле
Запечатлен на стынувшей земле,
И все другое, что зимой в сугроб
Заброшено подальше от жилья.

Снег тает.
Сунув шубу в гардероб,
Поспешно обнажается земля,
Чтоб облачиться с ног до головы
В одежду из сверкающей листвы.

У ночи — мрак,
У листьев — шум,
У ветра — свист,
У капли — дробность,
А у людей — пылкий ум
И жить упорная способность.

И мы живем,
Но дело в том,
Что хоть и властны над собою,
Но в такте жизненном простом
Бывают все же перебои.

Не можешь распознать врага
И правду отличить от лести,
И спотыкается нога,
Как будто и на ровном месте.

Но лишь
Оступишься вот так —
И все на место станет разом:
И шум листвы, и свет, и мрак.
И вновь навеки ясен разум!

ДВАДЦАТЫЕ ГОДЫ

Помню
Двадцатые годы —
Их телефонные ручки,
Их телеграфные коды,
Проволочные колючки.

Помню
Недвижные лифты
В неотапливаемых зданьях
И бледноватые шрифты
В огненно-пылких изданиях.

Помню
И эти газеты,
Помню и эти плакаты,
Помню и эти рассветы,
Помню и эти закаты.

Помню
Китайскую стену
И конструктивную сцену,
Мутность прудов Патриарших,
Мудрость товарищей старших.

Помню
Фанерные крылья

И богатырские шлемы,
Помню и фильмы, что были
Немы и вовсе не немые.

Помню я
Лестниц скрипучесть
И электричества тленье.
Помню я буйную участь
Нашего поколенья.

Будто
Впрямь по чью-то душу
Тучи издалека
С моря движутся на сушу
С запада, с востока.

Над волнами
Временами
Ветер возникает,
Но волнами, а не нами
Грубо помыкает.
Он грозитя:
— Я возвышу,
А потом унижу! —
Это я прекрасно слышу
И прекрасно вижу.

Возвышенье,
Униженье,
Ветра свист зловещий...
Я смотрю без раздраженья
На такие вещи.

Ведь бывало и похуже,
А потом в итоге

Оставались только лужи
На большой дороге.

Но чего бы это ради
Жарче керосина
Воспылала в мокрой пади
Старая осина?

Я ей повода не подал.
Зря зашелестела.
Никому ведь я не продал
Ни души, ни тела.

Огненной листвы круженье,
Ветра свист зловеший —
Я смотрю без раздраженья
На такие вещи.

СЕДЬМОЕ ЧУВСТВО

Строятся разные небоскребы —
Зодчим слава и честь,
Но человек уже хочет иного —
Лучше того, что есть.

Лучше и лучше пишутся книги,
Всех их не перечесть,
Но человек уже хочет иного —
Лучше того, что есть.

Тоньше и тоньше становятся чувства,
Их уж не пять, а шесть,
Но человек уже хочет иного —
Лучше того, что есть.

Знать о причинах, которые скрыты,
Тайные ведать пути —
Этому чувству шестому на смену,
Чувство седьмое, расти!

Определить это чувство седьмое
Каждый по-своему прав.
Может быть, это простое уменьше
Видеть грядущее въявь!

Я понял!
И ясней и резче
Жизнь обозначилась моя,
И удивительные вещи
Вокруг себя увидел я.

Увидел то, чего не видит
Иной вооруженный глаз
И что увидеть ненавидит:
Мир я увидел без прикрас!

Взор охватил всю ширь земную,
Где тесно лишь для пустоты.
И в чашу он проник лесную,
Где негде прятаться в кусты.

Я видел, как преображала
Любовь живое существо,
Я видел Время, что бежало
От вздумавших убить его.

Я видел очертанья ветра,
Я видел, как обманчив штиль,
Я видел тело километра
Через тропиночную пыль.

О вы, кто в золоченой раме
Природы видите красу,
Чтоб сравнивать луга с коврами
И с бриллиантами росу,

Вглядитесь в землю, в воздух, в воду
И убедитесь: я не лгу,
А подрумянивать природу
Я не хочу и не могу.

Не золото лесная опаль,
В парчу не превратиться мху,
Нельзя пальто надеть на тополь,
Ольху не кутайте в доху,

Березки не рядите в ряски,
Чтоб девичью хранить их честь.
Оставьте! Надо без опаски
Увидеть мир, каков он есть!

Из смиренья не пишутся стихотворенья,
И нельзя их писать ни на чье усмотренье.
Говорят, что их можно писать из презренья.

Нет! Диктует их только прозренье.

МАРТ

Я чую наступление марта,
Когда отшельник с бородой
В весенней луже видит черта,
А это месяц молодой.

Когда не в силах подчиниться
Тому, кто властвует над ней,
Воображает ученица,
Что всех наставников умней.

Март поощряет фантазерок,
И потому нигде, никто
Мне так не мил и так не дорог,
Как он в распахнутом пальто.

Тот самый март, который, грезясь,
Уже немного и смешон,
Когда любой весенний тезис
Давно поставлен и решен.

И мы прекрасно понимаем,
Что вслед за маем был июнь,
Затем — июль, и обнимаем
Мы вслед за этим хлебный куль.

И рассудительная зрелость
Придет однажды вечером
И сядет перед камельком.

.

А ты еще имеешь смелость
По луже топать каблуком.
И в горле боль, но ты как птица
Поешь, что косы всех длинней.
А в мире, в мире что творится —
Плодят бациллу, жгут свиней.

Лабораторная реторта
Полна тяжелою водой.
Отшельник в луже видит черта
...Ах, месяц, месяц молодой!

Событье
Свершилось,
Но разум
Его не освоил еще,
Оно еще пылким рассказом
Не хлынуло с уст горячо,
Его оценить беспристрастно
Мгновенья еще не пришли,
Но все-таки
Все было ясно
По виду небес и земли,
По грому,
По вспугнутым птицам,
По пыли, готовой осесть.

И разве что только по лицам
Нельзя было это прочесть!

БЕЛЫЙ ДИСК

Я с Музою
Глубокой ночью
Шел около «Националя».
Дул ветер, облачные клочья
Про ураган напоминали.
И будто бы в ответ на это
Блеснул из мрака диск, повисший
На стенке университета
Как некий символ правды высшей.
Сказала Муза:
— Приглядишься-ка
К барометру. Ведь с неких пор там
Былое начертанье с диска
Бесследно оказалось стертым:
Там, где стояло слово «Буря»,
Теперь написано: «К осадкам»,
Чтоб это небо, брови хмуря,
Не угрожало бы касаткам.
Смотри! Взамен «Великой суши»
«К хорошей, — сказано, — погоде»,
Чтоб не смущались наши души,
Чувствительные по природе.
Кто сделал эти измененья
Непогрешимую рукою,
Тот, безо всякого сомненья,

Хотел глубокого покоя.
И только надпись «Переменно»
Не превратилась в «Постоянно»
Над диском белым, точно пена
Бушующего океана.

Художник
Писал свою дочь.
Но она,
Как лунная ночь,
Уплыла с полотна.

Хотел написать он
Своих сыновей,
Но вышли сады,
А в садах —
Соловей.

И дружно ему закричали друзья:
— Нам всё непонятна манера твоя!

И так как они не признали его,
Решил написать он
Себя самого.

И вышла картина на свет из тьмы...
И все закричали ему:
— Это мы!

ЛЕНИНСКИЕ ГОРЫ

Сентябрь был добр к тебе, ко мне —
Продукты падали в цене,
На рынках — масса овощей
И всяких сладостных вещей.
Богатствам нив
Устроив смотр,
Все оценив,
И щедр и бодр,
Сентябрь был мил, дудя в дуду
В саду, где лебедь на пруду.

Так пела ты, взглянув в упор
На дивный город с древних гор,
Где вечный кедр, ровесник недр,
Над миром ветви распростер.

Так много лет
Я не был тут,
Где птичий след,
Где пни цветут.
Мне целый век не удалось
Здесь побывать, где зреет гроздь.

Ты привела меня сюда,
Чтоб не исчезли без следа

Сто тысяч лет, сто тысяч зим,
Сто тысяч раз огонь и дым.
Здесь где-то встарь горел костер,
А старец ветви распростер,
Чтоб так стоять, объяв простор,
Над кручей гор — своих сестер.

А в городе, в тепле квартир
Осенний пир, осенний пир.
А мы — на Ленинских горах,
Откуда виден целый мир!

О чем клубится дым из труб?
О чем шумит балтийский дуб?
О чем хрустит корейский рис,
Грустит палермский кипарис?
О чем молчат Евфрат и Тигр,
О чем гудит ливанский кедр?

Прошел сентябрь, идет октябрь,
Идет октябрь, на бури щедр!

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Ушел он рано вечером,
Сказал:
— Не жди. Дела...

Шел первый снег.
И улица
Была белым-бела.

В киоске он у девушки
Спросил стакан вина.

«Дела... — твердил он мысленно, —
И не моя вина».

Но позвонил он с площади:
— Ты спишь?
— Нет, я не сплю.
— Не спишь? А что ты делаешь? —
Ответила:
— Люблю!

...Вернулся поздно утром он,
В двенадцатом часу,
И озирался в комнате,
Как будто бы в лесу.

В лесу, где ветви черные
И черные стволы,
И все портьеры черные,
И черные углы,
И кресла черно-бурые,
Толпясь, молчат вокруг...

Она склонила голову,
И он увидел вдруг:
Быть может, и сама еще
Она не хочет знать,
Откуда в теплом золоте
Взялась такая прядь!

Он тронул это милое
Теперь ему навек
И понял,
Чьим он золотом
Платил за свой ночлег.

Она спросила:
— Что это? —
Сказал он:
— Первый снег!

СОН ЖЕНЩИНЫ

Добрая женщина,
Пожилая,
Мне рассказала, что видела сон —
Будто бы с неба спустился, пылая,
Солнечный луч, и попался ей он
В голые руки, и щекотно, колко
Шел сквозь него электрический ток...
Кончик луча она вдела в иголку —
Вздумала вышить какой-то цветок,
Будто из шелка... И тем вышиваньем
Залюбовался весь мир, изумлен.

Женщина, с искренним непониманьем,
Робко спросила: — К чему этот сон?

Я объяснил ей, что сон этот — в руку!
Если уж солнцем пошла вышивать —
Это не склоку сулит и не скуку
И неприятностям тут не бывать.
Это навеяно воздухом вольным!
Ведь не способна ни рваться, ни гнить
Даже в ушке этом тесном игольном
Великолепная светлая нить.

— Будьте, — сказал я, — к удаче готовы!

Так не приснится и лучшей швее
В перворазрядном большом ателье.

Женщина робко сказала:
— Да что вы?!

МОРОЗ

Мороз был — сорок! Город был как ночью.
Из недр метро, как будто из вулканов,
Людских дыханий вырывались клочья
И исчезали, ввысь бесследно канув.

И все ж на стужу было не похоже:
Никто ничто не проклинал сквозь зубы,
Ни у кого озноб не шел по коже.
Сквозь снежный блеск, бушуя, плыли шубы.

Куда? Конечно, в звонкое от зноя,
Давно уже родившееся где-то
Пшеничное, ржаное и льняное,
Как белый хлопок, взрывчатое лето.

Казалось, это видят даже дети:
С серпом, силком и рыболовной сетью
То лето, величайшее на свете,
В цветы одето посреди столетья!

То лето как великая победа,
И суховеи отошли в преданья,
И пьют росу из тракторного следа
Какие-то крылатые созданья.

И неохота ни большим, ни малым
Пренебрегать цвeтами полевыми,
И зной дневной скреплен закатом алым
С теплейшими ночами грозowymi.

Ведь нет сильнее этого желанья,
Мечта такая — сколько красоты в ней,
Что зимние студеные дыханья
Вернутся в мир в обличье чистых ливней!

Вот что хотелось увидеть воочью.
И было надо настоять на этом.
Мороз был — сорок. Город был как ночью,
Как ночью перед ветренным рассветом.

БАЛЕРИНА

Ночь шуршит в канаве желтым листом,
Бьет подковой.
Поверяет дворничиху свистом
Участковый.

А девчонка с бантиком над челкой
Тут же вьется,
Меж совком танцует и метелкой
И смеется.

Все ночами участковый видит
В лунном свете:
— Из девчонки толк, наверно, выйдет:
Быть в балете!

Дворничиха несколько надменно
Рассмеялась:
— Ну так что же! Ведь и я на сцену
Сбиралась.

— На каком же это основанье?
— Так вот... было.
Только высшего образования
Не хватило!

— Да, конечно... Если уж учиться —
Надо с детства. —
Он уходит. И свистит, как птица,
По соседству.

...Дворничиха выросла в детдоме,
Грубовата.
Дочь родилась в орудийном гrome
От солдата.

На войне, уж ясно и понятно,
Убивают.
Этот парень не пришел обратно...
И бывает,

Кое-как метет она дорожки,
Матерится...
А у дочки луч на босоножке
Серебрится.

Ходит баба в час похмелья горький
Туча тучей...
...Будет, будет ваша дочь танцоркой
Самой лучшей!

И снова осень. Велосипедист,
Пригнувшийся к своей дрожащей раме,
Несется, как осенний пестрый лист,
Подхваченный вот этими ветрами;
И девушка, которая в кино
Играла чеховскую Анну,
На перекрестке встречена неожиданно,
Напоминает осень все равно.
В комиссионке рыжая лиса,
Зелено-красный желудь в светофоре —
Все подтверждает, что наступит вскоре
Сентябрьский день.

И даже голоса,
Которые стремительной весне
Спешат пропеть хвалу свою простую,
И там и тут напоминают мне
Про ту же осень
Сытно-золотую.

ЗНОЙ

О зное
Скажу лишь одно я:
Он был
И вернется назад.

...Решеток железо резное
По грудь опоясало сад.
И весь он наполнился зноем.
И даже в тени, под стеной,
Под гравием, под перегноем,
Повсюду он был, этот зной.

Настала
Погода сырая.
Но он и неделю и две,
На теплые капли взирая,
Таился в намокшей листве.

И что-то
Еще подрастало,
Где мелочь цветная пестра.
Но все-таки осень настала,
Листву взворошили ветра.

Ночь
Будет холодной и лунной —

И быть ей не должно иной, —
Но там, за решеткой чугунной,
Останется все-таки зной.

Он
Будет почти незаметен,
Когда на него не смотреть,
Но все-таки будет иметь он
Способность и светить и греть.

Управится
Ветер с листвою,
Окрепнет массив ледяной,
Но будут какие-то двое
Сидеть на скамейке одной.

К чему бы
Сидеть и молчать им
У клумбы, что вовсе бела?
Но, видимо, этим объятьям
В избытке хватает тепла.

Недаром
И галочья стая
Кричит у нагого куста,
Где даже и в стужу густая
Таится в снегах теплота.

Сада тихая обитель
Завлекает, обольщает.
Здесь громкоговоритель
Тихо радиовещает.

Говорит он о погоде:
Хороша, но будет лучше —
Равновесие в природе,
Грозовые тают тучи.

Тучи, эти речи слыша,
Громят тише, тише,
Подымаются все выше,
Удаляются за крыши.

Но откуда ветер дует?
Что за пропасть, снова мчится?
Эту тучу образуют
Налетающие птицы.

Птицы, попросту вороны,
Над аллеей мчатся низко.
За рекой во время оно
Бойни были где-то близко.

Но ведь боен больше нет там!
Много дней, как боен нет там, —

Стадион на месте этом
Был построен прошлым летом!

И летят к его воротам,
Не находят ровным счетом
Для поживы ничего там,
Но конца нет перелетам.

Так влекут воспоминанья!
Вот безмозглые созданья!
Нет ни капельки сознанья,
А летят без опозданья!

Мчатся со стеклянным взглядом
Над листвою, над листопадом,
Под дождем, под снегопадом...

Бойни были где-то рядом.

Ты
Относишься ко мне,
Как к полям.
Ты относишься ко мне,
Как к лесам.
Ты относишься ко мне,
Как я сам
Относился бы к волне,
К парусам.

И тебя
Я не виню.
Ты проста.
Так относится к огню
Темнота.
Так относится костер
К темноте,
Так относится простор
К тесноте.

Завершился листопад,
Первый снег упал на крыши.
Но о чем же шелестят
Театральные афиши
На заборе за углом?
Все же чаще о былом.
Меж дорических колонн
И массивных декораций —
Девять муз и трое граций,
Аполлон...
О великий лицедей,
Для чего скрывать с опаской
Новизну живых идей
Под классической маской?
Ведь, куда ты ни взгляни,
Это действие всюду длится,
Те же самые одни
Действующие лица:
Я,
Ты,
Он,
Мы,
Вы,
Они!

НИКОГДА

Никогда,
Никогда,
Никогда
Не бывало такого июля!
Никогда
Ни земля, ни вода,
Ни амбары, ни хлевы, ни ульи
Не бывали такими еще,
И таким никогда не бывало
Это солнце и так горячо
Толщу вечных мерзлот не грело.

Не бывала
Вот так никогда
Степь в смерчи пылевые одета.

Ни в какие
Былые года
Не умело горячее лето
Так искусно над нами возвесть
Облаков вавилонские башни.

Но летит
Из Исландии весть:
Обнажились там старые пашни.

Лет семьсот под корою ледяной
Прозябали те земли незримо,
Жизнь вернул им не то чтобы зной,
А сырое дыханье Гольфстрима.
И теперь
Ото льда —
Ни следа,
Вековые разбиты оковы!

Вот и вздумай сказать:
Никогда,
Никогда не бывало такого!

Нет!
Где глетчер,
Где вечный был лед,
Снова будут пахать, будут сеять
И, когда это семя взойдет,
Будут перелопачивать, веять...
И дыхание талого льда
До меня долетает с заката.
Значит,
Нет
Никаких
Никогда,
Есть *когда-нибудь*
Или *когда-то.*

Это так!
Но какое-то *но*
Существует и существовало...
Знаю:
Скоро случиться должно,
Что еще *никогда* не бывало!

На побережье после бури
Твоих камней я слышу хруст,
О море, море, лучший в мире
Художник-абстракционист.
И не участвую я в споре,
В дискуссии весьма пустой —
Что ты изобразило, море,
На гальке этой или той.

Все
Обрело
Первичный вес:
Воскрес
Алмаз,
Лишась оправы,
Лекарства превратились в травы,
Бумага превратилась в лес,
Но только на единый миг,
Чтоб разуму понятно стало,
Как зрело все и возрастало,
Как
Этот самый
Мир
Возник.

С осторожностью птицелова
Я ловлю крылатое слово,
А потом отпускаю на волю
И его покупать никого не неволю,
Да его продавать ведь никто и не волен,
Чем я очень и очень доволен!

ШКВАЛ

И снова

Мир

За что-то впал в немилость:

Промчался вихрь, напитан дымной пылью,

Как будто бы, поджав стальные крылья,

Какая-то промчалась эскадрилья

И, глухо взыв, за горизонтом скрылась,

И рожь в полях коленопреклонилась,

Но распрямилась, хоть не без усилия,

И охнуло колосьев изобилье,

И равновесие

Восстановилось.

НОЧНЫЕ ЗВУКИ

Ночные звуки —
вороватый свист,
щелчок железа,
краткий выхлоп газа —
Вдруг перекрыло шелестенье вяза.

Мир листьев
Был огромен, густ и мглист.

Умы
Наволновались
До отказа.

И месяц в вышине обозначал
Вселенной состояние такое,
Что даже крик внезапно прозвучал
Тревожным утверждением покоя —
В полузабвенье кто-то закричал.

Пришел,
Пришел он,
Долгожданный срок.
На миг
Все успокоилось в природе,
Как будто тихий ангел на порог —

Как говорили некогда в народе —
Вступил...

И еле слышный ветерок
Чуть зазвенел
И замер,
Как курок.
Вот точно так же —
Как курок
На взводе!

СТРАУСЫ

Когда
Пахнёт
Великим хаосом,
Тут не до щебета веселого,
И кое-кто, подобно страусам,
Под крылья робко прячут головы.

И стынут
В позах неестественных,
Но все-таки и безыскусственных,
Забыв о промыслах божественных
И обещаниях торжественных,
Бесчувственны среди бесчувственных.

И смутные,
Полубесплотные,
Покуда буря не уляжется,
Одним тогда они встревожены:
А вдруг кому-нибудь покажутся
Ножнами их подмышки потные,
Куда, как шпаги, клювы вложены.

ЗАВОДЫ

Похолоданье.
Вихри пыльные.
И солнце, голову склонив,
Свои лучи, уже бессильные,
Дарит пространству сжатых нив.
Вода в канавах стынет ржавая,
Вот-вот замерзнут все пруды,
Но за заставой,
Величавые,
Шумят заводы,
Как сады!

Что-то
Новое в мире.
Человечеству хочется песен.
Люди мыслят о лютне, о лире.
Мир без песен
Неинтересен.

Ветер,
Ветви,
Весенняя сырость,
И черны, как истлевший папирус,
Прошлогодние травы.
Человечеству хочется песен.
Люди правы.

И иду я
По этому миру.
Я хочу отыскать эту лиру,
Или — как там зовется он ныне —
Инструмент для прикосновенья
Пальцев, трепетных от вдохновенья.

Города и пустыни,
Шум, подобный прибою морскому...
Песен хочется роду людскому.

Вот они, эти струны,
Будто медны и будто чугуны,
Проводов телефонных не тоньше
И не толще, должно быть.
Умоляют:

— О, тронь же!

Но еще не успел я потрогать —
Слышу гул отдаленный,
Будто где-то в дали туманной
За дрожащей мембраной
Выпрямляется раб обнаженный,
Исцеляется прокаженный;
Воскресает невинно казненный,
Что случилось, не может представить:
— Это я! — говорит. — Это я ведь!

На деревьях рождаются листья,
Из щетины рождаются кисти,
Холст растрескивается с хрустом,
И смывается всякая плесень...
Дело пахнет искусством.
Человечеству хочется песен.

Вечерело.
Луч закатный,
Удлиняясь мало-мальски,
Прямо в город необъятный
Глянул смутно, по-февральски.

Потеплел он
И смягчился,
Перестал на все коситься.
Наконец-то научился
К людям лучше относиться.

В чем убедишь ты стареющих,
Завтрашний день забывающих,
Спины на солнышке греющих
И о покое взывающих!
Но не легко собеседовать
С юными, кто не успел еще
Все на земле унаследовать:
Капища, игрища, зрелища,
Истины обнаженные,
Мысли, уже зарожденные,
Кисти, уже погруженные
В краски, уже разведенные.
Да! Сговориться со старыми
Так же не просто, как с малыми!

Двигутся старые с малыми
Будто музейными залами,
Глядя в безумной надменности,
Как на окаменелости,
На золотые от зрелости
Ценности
Современности.

УДАЧА

Жизнь моя все короче, короче,
Смерть моя все ближе и ближе.
Или стал я поэтому зорче,
Или свет нынче солнечный ярче,
Но теперь я отчетливо вижу,
Различаю все четче и четче,
Как глаза превращаются в очи,
Как в уста превращаются губы,
Как в дела превращаются речи.
Я не видел все это когда-то,
Я не знаю... Жизнь кратче и кратче,
А на небе все тучи и тучи,
Но все лучше мне, лучше и лучше,
И богаче я все и богаче.

...Говорят, я добился удачи.

ЛИСТЬЯ

Они
Лежали
На панели.

И вдруг
Они осатанели
И, изменив свою окраску,
Пустились в пляску, колдовские.

Я закричал:
— Вы кто такие?

— Мы листья,
Листья, листья, листья! —
Они в ответ зашелестели. —
Мечтали мы о пейзажисте,
Но руки, что держали кисти,
Нас полюбить не захотели.
Мы улетели.
Улетели!

КАМИН

И в Коломенском осень...
Подобны бесплодным колосьям
Завитушки барокко, стремясь перейти в рококо.
Мы на них поглядим, ни о чем объяснения не спросим.
Экспонат невредим, уцелеть удалось им.
Это так одиноко, и так это все далеко.
Этих знаков не косим.

Упасло тебя небо,
И пыльщик к тебе не суров,
Золоченое древо
В руках неживых мастеров,
Где на сучьях качаются, немо и жалобно плача,
Женогрудые птицы из рухнувших в бездну миров...
Вот еще отстрелявшая пушка,
Вот маленький домик Петров,
Походящий на чью-то не очень роскошную дачу...
Ну и что же еще?
Лик святого суров;
Тень Рублева
И Врубель в придачу.
Ибо
Врубелем сделан вот этот камин.
Это частный заказ. Для врача...
Что касается дат и имен — вы узнаете их у всезнаек,

НОЧЬЮ

Этой
Ночью,
Ночью летней,
Вьется хмель тысячелетний
По железу,
По бетону,
По карнизу,
По балкону.

Что
Творится
Там, за шторой,
Той вот самой, за которой
В мученические позы
В мутных вазах встали розы?

Чем же
Тут могу помочь я?
Может быть, вот этой ночью
На балкон пробраться снизу
По железу,
По карнизу
Цепко, с выступа на выступ,
Взять и пыль
И хмель

На приступ,
У окошка очутиться,
Стукнуть, будто клювом птица,
Чтоб окно ты распахнула.
Ты бы встала
И взглянула —
Что за птаха залетела?
Ничего не разглядела,
У окна бы постояла,
А закрыть не захотела.

И не надо,
И не трогай,
И напрасно закрывала:
Я иду своей дорогой
Как ни в чем и не бывало!

ЗЕМЛЯ

Одно
Волнение
Уляжется —
Другое сразу же готовится,
А мир еще прекрасней кажется.
Еще желаннее становится
Земля,
Укатанная гладкими
Посадочными площадками,
Увешанная виадуками,
Источенная водостоками,
Набитая золой и туками,
Насквозь пронизанная токами.
А там, вдали —
Вчера пустынная,
Земля целинная, былинная,
Забытая и вновь открытая,
Степными ливнями омытая,
Нигде как будто не кончается.
Над ней
Заря с зарей встречается.
Вот этим месяц май и славится,
И соловьями славословится.
Земля, великая красавица,
Еще прекраснее становится!

ВОДА

Вода
Благоволила
Литься!

Она
Блистала
Столь чиста,
Что ни напиться,
Ни умыться.
И это было неспроста.

Ей
Не хватало
Ивы, тала
И горечи цветущих лоз.

Ей
Водорослей не хватало
И рыбы, жирной от стрекоз.

Ей
Не хватало быть волнистой,
Ей не хватало течь везде.
Ей жизни не хватало —
Чистой,
Дистиллированной
Воде!

И вскользь мне бросила змея:
У каждого судьба своя!
Но я-то знал, что так нельзя —
Жить извиваясь и скользя.

АНТАРКТИДА

Ни господ,
Ни рабов,
Ни царей,
Ни республик,
Ни древних империй,
Никаких базилик, алтарей,
Стародавних легенд и поверий,
Адских мук и блаженства в раю —
Ничего ты не знала такого!

Ты
Последней
Вступаешь в семью
Беспокойного рода людского.
Что таят
Ледяные пласты?
Что покажется,
Что обнажится?

Как
Со старшими сестрами ты
Подружиться сумеешь, ужиться?

Знаю я,
Добывал китолов

Сверх китового уса и жира
Спермацет из китовых голов
Для красавиц подлунного мира...

Ну, а вдруг обретет бытие
Тот, кого убивать и не будем, —
Антикит, о котором Фурье
Проповедовал страждущим людям.
Антихищники, антикиты...
В наше время сбываются часто
Коль не те, так иные мечты,
Не того, так другого фантаста.
Есть ведь силы, их только затронь —
Оживают, стремятся наружу!
Отеплит ли подземный огонь
Вековечную внешнюю стужу?
Ведь ему никуда не пропасть!
Будет лоно твое отогрето,
Антарктида,
Последняя часть
Необъятного белого света!

Кто следующий?
Ты следующий!
Во многом еще не сведущий,
Но ясную цель преследующий,
Моим оружием орудующий.
Откликнись,
Товарищ
Будущий!

ОЛИВА

Олива,
Олива,
Олива!
Тяжелые ветви вздымая,
Она не стоит молчаливо —
Она не глухонемая!

Конечно,
Какое-то в мире
Творится неблагополучье,
И слышатся шумы в эфире,
Как будто
Ломаются
Сучья.
Ломаются
Сучья оливы
И хлещут по стенам и крышам,
Как будто бы дальние взрывы
Мы слышим,
Хотя и не слышим.

В пустыне,
Гудящей от зноя,
Петролеум плещет бурливо,
Но все же

Не что-то иное —
Там слышится шелест оливы!

Моря,
За морями —
Проливы,
Каналы, ворота и шлюзы,
В пакгаузах копятся грузы...
И слышится
Шелест оливы.

О шелест
Оливы цветущей!

Им полон, то реже, то чаще,
И этот хрипящий, поющий,
Бормочущий, свищущий ящик.

И люди
Почти что не дышат,
У ящика ночью уселись
И слышат,
Конечно же, слышат,
Оливы прельстительный шелест.

Ведь
Сколько ее ни рубили
И сколько ее ни пилили,
А все же
Ее не сгубили,
А все же
Ее не свалили!

◆

По существу ли
Эти споры?
Конечно же, по существу!
Рассудок может сдвинуть горы,
Когда мешают эти горы
Увидеть правду наяву.

По существу ли
Свищут пули?
Конечно же, по существу,
И что бы там они ни пели,
Но ведь огонь-то в самом деле
Идет не по абстрактной цели,
А по живому существу!

Огонь
Идет по человеку!
Все тяготы он перенес,
И всех владык он перерос —
Вот и палят по человеку,
Чтоб превратить его в калеку,
В обрубок, если не в навоз.

Итак,
К какому же решению

Он, человек, пришел сейчас?
Он, человек, пришел к решению
Не быть ходячею мишенью
Для пуль, и бомб, и громких фраз!

И человек
Вступает в споры,
Конечно, только для того,
Чтоб, не найдя иной опоры,
Взять и однажды сдвинуть горы
С пути людского своего!

Закрывались магазины,
День кончался остывая;
Пахли туфлей из резины
Тротуар и мостовая.

В тридцатиэтажном зданье
Коридоры торопились
Опустеть без опозданья,
А внизу дома лепились.

Средь конструкций и модерна,
И ампира, и барокко
Этот день, шагая мерно,
Вдаль ушел уже далеко.

Вот смотрите! Это он там,
Он, который нами прожит,
А для стран за горизонтом —
Только будущий, быть может.

Он у нас не повторится,
А у них еще начнется
В час, когда на ветке птица
Поутру едва очнется.

СЛЕД

А ты?
Входя в дома любые —
И в серые
И в голубые,
Всходя на лестницы крутые,
В квартиры, светом залитые,
Прислушиваясь к звону клавиш
И на вопрос даря ответ,
Скажи:
Какой ты след оставишь?
След,
Чтобы вытерли паркет
И посмотрели косо вслед,
Или
Незримый прочный след
В чужой душе на много лет?

Я
Вас
Люблю!
Поэтому
Весь мир творю я заново.
Он стар. Мильоны лет ему.
В нем очень много странного,
Смешного, старомодного
И никуда не годного.

Вот
Горны
Разгораются,
И под блестящим молотом
Различие стирается
Меж оловом и золотом.
Окупится богато нам
Все, что рукой мы тронули.
Клянусь разъятым атомом
И всеми электронами!

Но
Вы
Не улыбаетесь!
Чему-то згорчаетесь.

Чему? Не знаю, право, я.
А, хитрая-лукавая,
Зачем не превратил еще
Вот эти Ваши серьги я
В два крохотных вместилища
Космической энергии!

Терпение!
Терпение!
Сначала исцеление
Бедняги прокаженного,
Сначала превращение
Изгоя окаянного
В наследника законного,
Сначала воскрешение
Неправедно казненного...

Весь мир творю я заново!

О годовщины,
Годовщины,
Былые дни!
Былые дни, как исполины,
Встают они!
Мы этих дней не позабыли,
Горим огнем
Тех дней, в которые мы жили
Грядущим днем!

И в час,
Когда опять двенадцать
На башне бьет,
Когда дома уже теснятся,
Чтоб дать проход
Неведомым грядущим суткам,
Почти мечтам,
Вновь ставлю я своим рассудком
Все по местам.

Да,
Он назад не возвратится —
Вчерашний день,
Но и в ничто не превратится
Вчерашний день,

Чтоб никогда мы не забыли,
Каким огнем
Горели дни, когда мы жили
Грядущим днем.

МАЙ

Я родился в начале мая,
И прекрасно я понимаю,
Что такое разлив весенний:
Это ветер и гребни в пене,
Это вывернутые коряги
И затопленные овраги
В ночь, когда над стерней колючей
Подымаются сизые тучи,
Возвращеньем зимы угрожая.
Но и снег в середине мая —
Даже он, говорят, к урожаю!

ГОЛУБИ

Плясали
Голуби веселые
Вблизи Манежа на гудроне,
А тучи сизые, тяжелые,
Клубясь, росли на небосклоне.

Багровое
Взметнулось полымя
Над рокотом аэродрома,
А голуби, как будто голые,
Неслись на сизом фоне грома.

Промчалась
Буря небывалая,
Открылись снова фортки, двери,
А голуби, прозрачно-алые,
Висели, будто в стратосфере.

О, неужели
Эти самые,
А не какие-то иные,
Взъерошив перышки упрямые,
Поблескивали, как стальные?

Да,
Эти вот, легко летящие,

А не какие-то другие,
Сейчас, стряхнув броню блестящую,
Купались в ливне, как нагие!

В садах
Пестра листва осенняя,
А голуби, те и не те же,
К ногам другого поколения
Сядятся около Манежа.

Кто дал тебе совет, закончив счет побед,
А также и потерь,
Теперь, замкнувши дверь, угреться и забыться?
Ты этому не верь! Так не случится!

Не спишь?

Не ты один. И ей всю ночь не спится.

Она — полна машин, полна афиш, витрин

И вновь полна мужчин, смеясь не без причин,

Не спит

Столица.

Ничто не спит во мгле —

Кипит асфальт в котле, кипит вино в бутылках,

Не спят, летя на крыльях, не спят в автомобилях,

Не спит огонь в золе.

И зреет на земле

Очередное чудо.

Предугадать его

Имеешь полномочья.

Быть может, оттого

Тебе не спится

Ночью!

В белый шелк по-летнему одета,
Полночь настает.
На Садовой в переулках где-то
Человек поет.

Слышите! Не рупор, не мембрана
Звуки издает —
Громогласно, ясно, без обмана
Человек поет.

Он моторов гул перекрывает
И не устает,
И никто его не обрывает —
Пусть себе поет.

Он поет, и отвечает эхом
Каждая стена.
Замолчал и разразился смехом.
Вот тебе и на!

Он хохочет, петь большой любитель,
Тишине грозя.
Это ведь не громкоговоритель —
Выключить нельзя!

ПЕРВОРОДСТВО

ПЕРВОРОДСТВО

По мненью бедноты,
Мы — богачи:
У нас все сказки делаются былью,
И вообще что хочешь получи —
Нам вручены ключи от изобилья.

По мненью богачей,
Мы — беднота,
Чьи беды в Лету канули бесследно;
Им невдомек, что жизнь безбедна та,
Которую мы создали победно.

А мы
Не богачи, не бедняки!
Мы те, которых не бывало прежде.
И прошлогоднейшие ярлыки
Вы к нашей не прищиплите одежде.

Сказать точнее:
Есть у нас черты,
В которых ни малейшей капли сходства
С чертами богачей и бедноты...
Здесь речь идет о праве первородства!

◆

Хочется
Сосредоточиться
И припомнить,
Как за шагом шаг
Этот мир рождался,
Чтоб упрочиться
В первобытном хаосе,
И как
Приходилось в этом мире,
Созданном
Собственную кровью
И трудом,
Подниматься к звездам,
Скупо розданным
Прямо с неба,
В сумраке седом,
Совладать со всяческою нечистью,
Делать все,
Чтоб вновь не грянул бой,
Столковаться с целым человечеством
И остаться
Все ж
Самим собой!

Запутывалось века,
Распутывать нам приходится.
Работа не так легка,
И нервничаешь, как водится,
И мучишься,
И упустить
Хоть что-нибудь опасаясь,
И учишься ощутить
Все, с чем ни соприкасаешься.
Не с тем, чтобы все извинить,
Всему подыскать оправдания,
А с тем, чтобы все изменить,
Умерить людские страдания.
Вверху
По своим кругам
Небесные носятся спутники,
А тут
По рукам и ногам
Запутанные распутники,
Беспутники всех статей...
Трудна,
Не дает отдохнуть она,
Работа такая:
Потей,
Распутывай чуть не с Распутина!

Я знаю, чем была
Ты в нимбе старой славы,
Качая величаво
Свои колокола.

Уж ты не обессудь:
Я вовсе не поклонник
Рыдающих гармоник —
Совсем не в этом суть!

Была ты избяной,
Была ты деревянной,
Тележною и санной,
Лучинной и свечной.

Но были вместе с тем
Отели, скетинг-ринги
И всякие новинки,
Машинки всех систем.

Хоромы, терема —
Все это были ширмы,
За ними были фирмы,
Торговые дома.

Любил народ честной
Нехитрое веселье —
Цветные карусели
Вертелись на Страстной.

Месила ты кисель,
Но тресты и картели
Вертели, как хотели,
Всю эту карусель,

Чтоб ты в конце концов,
Усталая от пляса,
На пушечное мясо
Пошла, страна отцов.

Пошла-то ты пошла,
Да посшибала главы
Двуглавого орла...

...Я знаю, чем была
Ты в нимбе древней славы,
Качая величаво
Свои колокола.

◆

Как все это случилось, в самом деле?
Двадцатый век, с чего он начался?
Мелели реки, и леса редели,
Но в сизые от дыма небеса
Аэропланы ухитрились взвиться,
И мгла не преградила им пути,
И на земле сумели объявиться
Те, кто решились этот мир спасти,
Чтоб снова плодородной и сырою
Измученная сделалась земля,
И сутью государственного строя
Не мнились бы ни штык и ни петля,
И двери тюрем полетели с петель
И чтоб искусство не было мертво...
А ты не только этому свидетель —
Свидетелями этого всего
Пусть остаются ветхие бойницы
И рыхлый камень вековых стен, —
Ты не свидетель; ты, как говорится,
Виновник этих самых перемен!
Ведь все ж не вихрь весенний иль осенний
Бесповоротно пробудил умы!
Виновники великих потрясений
И их творцы не кто-нибудь, а мы!

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОД

Хотя
Ничто
Былое
Не вернется —
Воспоминанья никуда не денутся.

И я умел смотреть на это солнце
Глазами беззаботного младенца.
Но это было не такое солнце,
А то, что, не желая закатиться,
Старается за вывески цепляться
И в бледные заглядывает лица.
Я видел это меркнувшее солнце
Гостинодворца и охотнорядца.

И я увидел
Новое светило,
Которое из бездны небосвода
О собственном восходе возвестило
Скупцам, святошам, франтам, спекулянтам,
Когда январь Семнадцатого года
Вдруг изошел февральскою метелью,
Чтоб обернуться мартом с красным бантом
И отступить, и место дать апрелю,
И маю, и июню, и июлю,

И августу, когда не от прохлады,
А без пощады листья пламенели,
Чтоб сквозь сентябрь,
Сметая все преграды,
Пришел Октябрь в распахнутой шинели.

НОЯБРЬСКИЙ СНЕЖОК

Мерцает
В полете
Ноябрьский снежок,
О перевороте
Он память зажег,
О перевороте
В умах и сердцах...
Вы, дети,
Поете
О ваших отцах,
О той беспримерной
Страде боевой
На подступах к первой
Зиме буревой,
О тяжелой работе
Гранат и штыков,
О перевороте
На веки веков.
Кожурки картошки,
Печурочный дым,
Седые дорожки
Промчавшихся зим!
С ознобом по коже
Управился мех,

Но все же, но все же
Остался у всех
В крови и во плоти
Ноябрьский снежок.

Куда ни пойдете —
Он звезды зажег.
Куда ни придете —
Поведает он
О перевороте,
Который
Свершен.

Еще
Боятся
Высоты:
Мол, с высоты легко сорваться
И ввысь уж лучше не соваться...
Еще
Боятся простоты:
Мол, попросту не столкнуться.

Еще
Боятся
Наготы.
Хоть фиговые листы
Смешны, чтоб ими прикрываться.

Еще
Боятся
Красоты,
Боятся с ней соприкоснуться:
Мол, очень трудно разобраться,
Как будто бы в глазах дwoятся
Ее блестящие черты.

Отсюда — бденья и посты.

О ты,
Простак,
Пойми же ты:
Ты в рубище лженищеты
За крохами встаешь в хвосты,
Когда кругом твои богатства,
Твои сокровища таятся,
Твои труды,
Твои мечты.

Рассказывай,
Люблю твои рассказы,
Как вышла ты, румяна от мороза,
Встречать Михайлу с рыбного обоза...

Рассказывай,
Как в детской за Немецкой
Играл мальчонка вроде арапчонка,
И как на ваньках ездили дворянки,
И как трамвай пришел на смену конке,

Как вырос «Яр», и как возникли банки,
И как померкли древние иконки...

Рассказывай про келью богомаза
И про гурьбу ребят из ВХУТЭМАСа.

А я гляжу:
Давно, быть может, в мячик
У глобуса играет на Болоте
Какой-то мальчик,
Или этот мальчик
Не в поезде, так прямо в самолете
Примчался, чтоб вскарабкаться превыше
Всех мудрецов с библиотечной крыши —

Вородачей, влияющих могуче...
И вообще
О всем ты знаешь лучше,
Чем этих зданий дымчатые кручи,
Чем над тобой пронесшиеся тучи,
Чем под тобою высохшие топи,
Чем о тебе воркующие птицы,
Чем даже моль,
Которая гнездится
В твоём музейном
Бархатном
Салопе!

КОСТЕР

Чего только не копится
В карманах пиджака
За целые века...

А лето,
Печь не топится...
Беда невелика.

И я за Перепелкино,
Туда, за Перепалкино,
За Елкино, за Палкино,
За Колкино-Иголкино
Помчусь в сосновый бор
И разведу костер.

И выверну карманы я,
И выброшу в костер
Все брэнное, обманное —
Обрывки, клочья, сор.

И сам тут ринусь в пламень я.
Но смерти не хочу,
А попросту ногами я
Весь пепел растопчу.

Пусть вьется он и кружится,
Пока не сгинет с глаз.
Вот только б удосужиться
Собраться как-то раз.

Вот
Корабли
Прошли
Под парусами;
Пленяет нас
Их плавная краса,
Но мы с тобой прекрасно знаем сами,
Что нет надежд на эти паруса.

Вот
Умер пар
И старым кочегарам
Дана отставка. И не дышишь ты
Чугунных топок беспощадным жаром,
Где тлеют допотопные пласты.

Нет,
Мы не так препятствия тараним!
Заменены на наших кораблях
И пар
И парус
Внутренним сгораньем,
Чтоб кровь земли
Пылала в дизелях.

И что ни день,
То пламенной желанья
И по ночам усталость не берет...
Вот
Внутреннее мощное пыланье,
Которое толкает нас вперед!

Ты видел ли, как в час отлива,
Великой жаждой обуян,
Свои же собственные волны
Заглатывает океан.

И кажется, исчезнет вовсе,
Не возвратится никогда
Катящаяся в час отлива
Неудержимая вода.

Что остается? Только лужи,
Все в водорослях по краям!
И замечал ли ты, блуждая
По скользкой гальке возле ям,

Что в них и панцири омаров
И лапы ржавых якорей,
Как затонувшие доспехи
Исчезнувших богатырей.

Но неизбежен час прилива,
Чтоб снова из бездонной мглы
Обрушились на плоский берег
Тяжеловесные валы.

О, солнце там на пенных гривах!
Не видишь разве? Вот оно,
Как будто бы на бурных нивах
Бушует зрелое зерно!

ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЬ

Гидролог
Или не гидролог,
Ты не был глух и не был слеп,
И путь твой был суров и долог
В пустыне, где не зреет хлеб.
Она вставала из полыни,
Горько-соленая заря.
И знал ты: в глубине пустыни
Кипят подземные моря.

К земле ты нагибался часто,
Отыскивая неспроста
В пластах то отпечаток лапы,
А то и рыбьего хвоста.

Пусть были временем затерты
Едва заметные следы,
Но видел ты каналы, порты
И будущие сады.

Тебя считали фантазером,
Который вечно ходит вброд
По испарившимся озерам,
Все делая наоборот.
Но видел ты, как, воду пеня,

Идут к причалам корабли.
Нет, не терял ты представленья
О будущем
Своей земли!

МЕХОВЫЕ ЦВЕТЫ

Вешний снег
Оседают и тает,
Аромат его невыразим,
И медлительно отцветают
Меховые цветы наших зим.
Убирается
Зимняя обувь —
Эти боты, а где и унты,
И уходят во мглу гардеробов
Наших зим меховые цветы.
За стеблем
Появляется стебель
Летних, тоже не ложных, цветов
Там, где всякая дачная мебель,
Гамаки всевозможных сортов.
Но зефиры
В березовой роще
Напевают: затем и сквозим,
Что и вновь набираются мощи
Меховые цветы наших зим.
Будет снег,
Будет блеск острых зубок,
Будут где-то и шкур вороха —
Белый век синтетических шубок
Неподдельные ценит меха.

ХОР

На Маяковского я вышел
И в зал Чайковского вошел.
Там шел концерт...
Я хор услышал.
Все было очень хорошо.

Все это было так прекрасно,
Великолепно до того,
Что обозначивалось ясно
Все внутреннее существо
Всех этих девушек, поющих
О мире будто бы другом
И будто бы не сознающих,
Что делается кругом;
И этих юношей, стоящих
С гармониками в руках,
Как будто бы не в настоящих,
А в прошлых днях, в былых веках...

Традиций сладостное бремя,
Ты не отягощаешь нас!
Мы рождены в былое время,
Чтоб жить вот именно сейчас.
И атмосферою исканий
Наполнен каждый коридор...

От сдержанных рукоплесканий
Заколебался мощный хор.

Поплыли от рукоплесканий
За сарафаном сарафан,
Как будто были не из тканей,
А разноцветный целлофан...

А там, у входа в зал концертный,
Шагал вперед народ бессмертный
И слышалось звучанье хора,
Где счету нету голосам,
И, кажется, за дирижера
Там каждый был отчасти сам.

ДЕТИ

Какие
Хорошие
Выросли дети!
У них удивительно ясные лица!
Должно быть, им легче живется на свете,
Им проще пробиться, им легче добиться.

Положим, они говорят, что труднее:
Экзамены, всякие конкурсы эти.
Быть может, и верно: им, детям, виднее,
Но очень хорошие выросли дети.

Конечно, задорные эти ребята,
А впрочем, по множеству признаков судя,
Мы сами такими же были когда-то —
И нас не смирение вывело в люди.

ДЕДАЛ

И вот
В ночном
Людском потоке
Мною дорогу пересек
Седой какой-то, и высокий,
И незнакомый человек.

Застыл он
У подножья зданья,
На архитектора похож,
Где, гикая и шарлатаня,
Толклась ночная молодежь.

Откуда эта юность вышла
И к цели движется какой?
И тут сказал мне еле слышно
Старик, задев меня рукой:

— С Икаром мы летели двое,
И вдруг остался я один:
На крыльях мальчика от зноя
Растаял воск. Упал мой сын.

Я вздрогнул:
— Что вы говорите?

— Я? Только то, что говорю:
Я лабиринт воздвиг на Крите
Неблагодарному царю.

Но чтоб меня не заманили
В тот лабиринт, что строил сам,
Себе и сыну сделал крылья,
Я устремился к небесам!

Я говорю: нас было двое,
И вдруг остался я один:
На крыльях мальчика от зноя
Растаял воск. Упал мой сын.

Куда упал? Да вниз, конечно,
Где люди по своим делам,
Стремясь упорно и поспешно,
Шагали по чужим телам!

И ринулся я вслед за сыном.
Взывал к земле, взывал к воде,
Взывал к горам, взывал к долинам.
«Икар! — кричал я. — Где ты, где?»

И червь шипел в могильной яме,
И птицы пели мне с ветвей:
«Не шутит небо с сыновьями,
Оберегайте сыновей!»

И даже через хлопья пены
Неугишающих морей
О том же пели мне сирены:
«Оберегайте дочерей!»

И этот голос в вопль разросся,
И темный собеседник мой
Рванулся в небо и унесся
Куда-то прямо по прямой.

Ведь между двух соседних точек
Прямая — самый краткий путь,
Иначе слишком много кочек
Необходимо обогнуть.

И как ни ярок был прожектор,
Его я больше не видал:
Исчез крылатый архитектор —
Воздухоплаватель Дедал.

XXI ВЕК

Мы
С ним
Толкуем
Как с учеником,
Стремясь внушить одно, другое, третье,
Вооружая русским языком,
Пригодным для грядущего столетья,
Чтоб речь его пускай не целиком,
Но все-таки как наша зазвучала,
Когда войдет еще не стариком
В грядущий век, верней — в его начало.
И ты ему все ясно Расскажи,
Чтоб всякие пустые междометья
Он не тащил с собой за рубежи,
В пределы
Двадцать первого столетья.

РАЙ

Пруд
Как изумруд,
Только берег крут.

Грот,
Но в этот грот
Замурован вход.

Так
У каждого врат
Множество преград.

Но
Давным-давно
Все обойдено.

И толпа
Ребят
Проникает в сад.

Скачут
И орут,
Бухаются в пруд...

И напрасный труд —
Ограждать стеной
Этот рай земной!

ИВА

Как сильно
Изменилась ива
За эти семь весенних дней!
Так все меняется, что живо.
Я знаю, что случилось с ней.

Так изменилась вся дубрава
За эти семь весенних дней:
Все стало ново, величаво —
От веточек и до корней.

Так все меняется, что живо:
Ручьи сливаются в поток,
Из пашни возникает ива,
И хлопок, в сущности цветок,
Приобретает силу взрыва.

И вот какую стала ива
За эти семь весенних дней,
За дни весеннего разлива,
Неошутимого для пней!

ДУБ

Когда с полей, пустых и голых,
Уйдут последние машины,
Последний колос подобрал,
Ты птиц озябших, но веселых,
Сгоняешь со своей вершины,
О дуб, великий князь дубрав.

Бушуешь ты, огромный, темный,
Под стынувшими небесами,
И, как в ответ, несется крик,
Многоголосый, неумный:
— Зима близка — мы знаем сами,
Нам не указывай, старик!

Но ты шумишь. В такую ярость
При виде юношеских, дерзких,
Восторгом искаженных лиц
Сановная приходит старость
В своих регальях камергерских —
В такую ярость без границ!

Поглотит птиц туман осенний,
Войдут крылатые их клинья
В диагональ сплошных дождей,
Но разве меньше потрясений

Тебе, о дуб, готовят свиньи,
Искательницы желудей?

Не чувствуешь, что подкопаться
И под тебя, царя лесного,
Идут их мирные стада.
То чувство может просыпаться,
Но если рано — дремлет снова,
А если поздно — что тогда?

ВЕСНА

Весна
Стояла затяжная:
По снежной глади неподвижной
Все тот же след тянулся лыжный,
Когда исчезнет, сам не зная.

Казалось,
Не дождешься зноя:
Все было холодно и голо,
И по затонам пароходы,
Не ожидая ледохода,
Уже просили ледокола
Помочь им, носом в льдинах роясь.

Весна
Ждала,
В туманах кроясь.
Она была в лесах по пояс,
Как недостроенное зданье...

Но,
Нагоняя опозданье,
Вдруг понеслась, как скорый поезд.

Листва
Деревья покрывала

Поспешно, со всего размаха,
Чтоб вещая кукушка-птаха
На голый лес не куковала.

Апрель и май
В одно сплетались
На циклопической арене,
И яблони, как кони в пене,
Встав на дыбы, так и остались.
Но тоже на одно мгновенье,
Мгновенье полного расцвета.

И сразу
Наступило
Лето!

О вы, которые уснули
Меж двадцатью и сорока
От яда, от петли, от пули,
Елея или коньяка,
Вы, Лермонтов, Есенин, Шелли
И Сирано де Бержерак,
Я спрашиваю:

 Неужели
Я старше вас?
 Да, это так!

И каждый, кто своей рукою
Коснулся острого пера,
Чтоб больше не иметь покою,
Тот должен знать — она стара,
Та истина, что в самом деле,
Будь моложав ты или сед,
Ты старше Байрона и Шелли,
Вергилия и Руставели,
Ты старше, если ты — поэт!

ВЬЮГИ

Бывают такие весенние вьюги,
Когда леденеют трамвайные дуги
И глухо волнуется все меховое,
Как будто живое, как будто живое,
Как будто бы к жизни вернуться охота
Всему, что убито, — от старца енота
До самой последней, ничтожной зверюги.
Бывают такие тревожные вьюги.

Из года в год
Негодная погода:
Едва пройдет ненастье, волочась,
Задует ветер
На десятилетье.
Не часто
Ясно
Небо
Хоть
На
Час!

Но
Что ни вечер,
То теплее встречи —
За речью речь
И яства на столе,
Глядишь,
И тает
Сдержанности глетчер
И — баста!
Ясно
Небо
На сто
Лет!

И над столом
Поблескивает люстра
В сто тысяч электрических свечей,
И пробуждает дремлющие чувства
Обилье призматических лучей,
И щелкает
Электроотопленье,
Горят в камине
Вовсе не дрова,
Но будто бы
Трещат при расщепленьи
Мельчайшие
Частицы
Естества!

И ты сидишь
У этого камина,
А под ногами не подушка, но
Как будто бы разряженная мина,
Безвредная давным уже давно!

БОГАТЫЙ НИЩИЙ

От города не отгороженное
Пространство есть. Я вижу: там
Богатый нищий жрет мороженое
За килограммом килограмм.

На нем бостон, перчатки кожаные
И замшевые сапоги.
Богатый нищий жрет мороженое.
Пусть жрет.
Пусть лопнет.
Мы — враги!

Хочу я, чтоб никто не умирал.
Пусть все они — от самой мелкой шавки
До самых грандиозных обирал —
Живут хотя б на пенсии, в отставке.

Так сделаем, чтоб смерть их не брала
И видели бы эти никудышки,
Сколь тщетны все их черные дела
И всяческие темные делишки.

Чтоб, неспособны от стыда сгореть,
Они бы от раскаянья потели.
И многие хотели б умереть,
Но мало ли чего они хотели!

НЕБО И ЗЕМЛЯ

В расширяющейся вселенной —
Если это действительно так, —
Что ты чувствуешь,
Обыкновенный
Человек,
Неученый простака?

Эти споры о красном смещении,
Возле них создаваемый шум
Не приводят в смущенье
Твой ум.

И когда
Разбеганье галактик
Наблюдаешь в космической мгле,
То не столь теоретик, сколь практик,
Обращаешь ты взоры
К земле.

Все
Стремится
Здесь сблизиться, слиться,
В косяки собираются птицы,
В элеваторы льется зерно,
И, устав проклинать и молиться,

Людам хочется быть заодно,
Чтобы спорился труд вдохновенный,
Окрыляя людские сердца
В этом мире,
Вот в этой вселенной,
Расширяющейся
Без конца!

НАСТОЯЩЕЕ МГНОВЕНЬЕ

Нет
Ничего
Тебя виднее,
О настоящее мгновенье!
Но, кажется, всего труднее
Определить твое значенье.

Иной
Вперед
Глядит со страхом,
Себя сомнениями муча:
А вдруг возьмет и канет прахом
Наставшее благополучье?

И в рассуждении былого,
Морщинистого и седого,
Не хочет он сказать ни слова,
Хорошего или худого.

Томятся робкие сердечки
Перед часами, на которых
Звучат секунды, как осечки,
И хорошо: не вспыхнет порох.

И раздаются песнопенья:
— Будь так любезно, сделай милость,
О настоящее мгновенье,
Не утверждай, что ты свершилось!

Где-то там
Испортился реактор
И частиц каких-то напустил.
Известил о том один редактор,
А другой не известил.
И какой-то диктор что-то крикнул,
А другой об этом ни гугу.
Впрочем, если б и никто не пикнул,
Все равно молчать я не могу!

◆

Надо
Зоркость,
Чтоб увидеть въявь
Все, что делается на белом свете.
Вот сейчас
Возьми себе представь
Нашей эры
Первые столетья.

Смутно понимали, что живут
На рассвете новой эры
Эти все — ну, как их там зовут? —
Варвары, жрецы, легионеры!

Кой-кому
Казалось:
Все кругом,
Как всегда, в обычном беспорядке:
Крест тоскует о рабе нагом,
Зол патриций, промотав остатки,

Древней мудрости ученики,
Не меняя ни числа, ни слова,
Путают грядущего ростки
С пережитками былого.

И при этом —
Так уж повелось! —
Даже и наивно торжествуют:
Докажите, мол, что началось
То, что для меня не существует!

А глядишь —
И убраны с арен
Праведники, задранные львами,
И у тех, кто кроток и смирен,
Нимб уже стоит над головами.

Над осмеянными — ореол,
В капищах совсем иное пенье.
Лишь одно, как встарь:
Никто не ввел
Новый способ летоисчисления.

Но уж если
Это введено,
Так иного будто не бывало,
А оно, вот именно оно,
Испокон веков
Существовало!

ГОЛОСА

Мне
Не дает уснуть
Хор смутных голосов.

Я не хочу замкнуть
Пространство на засов,
И голоса кричат,
Стучат в железо крыш,
Трещат и верещат:
— Услышь,
Услышь,
Услышь!

Все это про меня,
Все это обо мне —
Возня и стрекотня
В распахнутом окне,
В летящих облаках,
Покрывших небеса, —
На разных языках
Земные голоса.

О, эти голоса!
Я вслушиваюсь в них.
Но чей же раздался

Отчетливей других?
Мой это голос, мой:
Ведь я-то не немой!
Мой голос,
Этот вот,
Велик он или мал,
Я, не боясь невзгод,
Упорно поднимал;
Его я возвышал —
О нет, я не молчал, —
И пусть он не решал,
Но все же он звучал,
Поддержан, заглушен,
То тайный, то прямой,
Каков бы ни был он,
Он мой,
Он мой,
Он мой!

И вам я заглушить
Не разрешу его,
И за меня решить
Не дам я ничего.

Вот
Идешь ты,
Мирный человек,
Только под ногами
Временами
Вдруг
Возьмет
И глухо хрустнет снег,
Как о выстреле воспоминанье.

Это
Только хруст
И только скрип,
И как будто нету основанья,
Чтобы снова смертоносный гриб
Вырос над людскими головами.

Пусть
Грибками
Славится кефир!
Над снегами вывесок сверканье:
«Мясо», «Рыба», «Птица», «Обувь»,
«Ткани».

Добрый мир.

Добрый мир,
Который я люблю,
Ты недавно вышел из окопов.
Я тебе чего-нибудь куплю
В магазине изотопов.

Троллейбус рванулся из мрака,
Взывая на помощь дугой.
Я понял: в троллейбусе драка,
Там бьют и пинают ногой!

Будь там, я, конечно бы, сразу
Мерзавца за шиворот сгреб,
Но поздно: миганием глаза
Растаял рубиновый «стоп».

Извне невозможно вмешаться,
Не крикнешь:
— Назад поверни!—
Дела эти могут решаться
Лишь там, где творятся они.

И пусть не забудет живущий
На этой летящей во мгле,
Гудящей, свистящей, ревущей,
Крутящейся в бездне земле:

Коль будут увечить, калечить,
То только своею рукой
Удастся тебе обеспечить
Желательный мир и покой!

ЦЕНА ЖИЗНИ

Каждый день
Приносит что-то
Не такое, как вчера,
И вчерашние расчеты
Проверяются с утра.

Да,
Дешевле жизнь!
Но все же
Подсчитай и убедись:
В миллионы крат дороже
Нынче делается
Жизнь.

Жизнь людская дорожает!
Это прямо поражает,
Убивает наповал
Тех,
Кто
Ею
Торговал!

ШАГ

Сделан шаг.
Еще не отхрустела
Под подошвой попрунная пыль,
А Земля за это время пролетела
Не один десяток миль...
Множество каких-то древних стадий,
Русских верст, китайских ли —
Все это осталось где-то сзади.
И назад не повернуть Земли.
И не забежать, опережая,
И ее в объятиях не сжать;
Умоляя или угрожая,
Все равно ее не задержать —
Эту Землю,
Землю, на которой
Захрустел под микропорой шлак,
Землю, послужившую опорой,
Чтобы сделать
Следующий
Шаг!

Дело
Было за мной.
И мгновенно покончил я с делом,

И оделся и вышел...
Волна возбужденья прошла.

День
Был бел,
Как пробел
На листе сверхъестественно белом.

Наступила пора
За другие приняться дела!

Будьте
Любезны,
Будьте железны! —
Вашу покорную просьбу я слышу. —
Будьте железны,
Будьте полезны
Тем, кто стремится укрыться под крышу.

Быть из металла!
Но, может быть, проще
Для укрепления внутренней мощи
Быть деревянным коньком над строеньем
Около рощи
В цветеньи
Весеннем?

А! Говорите вы праздные вещи!
Сделаться ветром, ревушим зловеще,
Но разгоняющим все ваши тучи,
Ведь ничего не придумаешь лучше!

Нет!
И такого не дам я ответа,
Ибо, смотрите, простая ракета
Мчится почти что со скоростью звука,

Но ведь и это
Нехитрая штука.

Это
Почти неподвижности мука —
Мчатся куда-то со скоростью звука,
Зная прекрасно, что есть уже где-то
Некто
Летящий
Со скоростью
Света!

Нет,
Тени
За людьми не гонятся!
От некоторых эти тени,
Когда к закату солнце клонится,
Бегут как будто бы в смятеньи.

Но вот
На рубеже грядущего,
Сама себе почти чужая,
Тень человека, вдаль идущего,
Плывет, его опережая.
И полны
Дали необъятные
Тенями именно такими,
Которые в часы закатные
Вперед отброшены живыми.

И точно так,
Как тени прошлого
Вдруг возникают между нами,
В грядущем — потому и ждешь его! —
Мы существуем
Временами.

УСПОКОИЛСЯ ВОЗДУХ

Успокоился воздух,
И дубравы, и нивы.
Только где-то на звездах
Какие-то взрывы.

На земле уже нет их,
И довольно, не надо!
Лишь на дальних планетах
Звучит канонада.

На земле нашей тоже
Так бывало когда-то —
На груди ее лежа,
Умидали солдаты,

Догорали селенья,
Вился пепел угасший...
Это были мгновенья
Предыстории нашей!

Так бы крикнуть хотелось,
Чтоб от всяких напастей
Прочь земля отвертелась
И в беду не попасть ей:

Успокоился воздух,
Успокоились воды,
Только где-то на звездах
Воют уроды,

Города догорают,
Стреляют орудья,
И невинных карают
Неправые судьи.

- Что с тобою?
- Небо голубое!
- Что? С тобою небо голубое?

Злое,
Буревое,
Будто после боя,
Глухо подавая пенному прибою
Хриплые сигналы медною трубою,
Смутное, рябое от конца до края,
Что с тобою, небо голубое?

ПРАЗДНИК

Я
Слышу —
Вы славите будни,
Прекрасные, ясные будни,
Но
Пусть буду я безрассуден,
А славить не стану я буден.

Ведь все-таки жизнь моя — праздник!
Хоть грозный, а все-таки праздник.
Я буден не узник, не я им союзник,
А жизнь моя — праздник.

Всегда он в заботе,
Всегда он в работе,
А все-таки праздник.
Да, именно праздник!
Всегда беспокойный,
Сегодня он знойный,
А завтра — морозный.

А все-таки — праздник,
Великий и грозный!

КОРЕНЬ ЗЛА

Вот он корень,
Корень зла!
Ох, и черен
Корень зла!

Как он нелицеприятно
Смотрит с круглого стола,
Этот самый корень зла!

— Надо сжечь его дотла,
Чтоб исчез он безвозвратно!

— Ну, а если не поможет,
И опасность лишь умножит
Ядовитая зола?

Побоялись уничтожить!

И опять колокола
Бьют тревожно и набатно,
И скорбей не подытожить,
И отравы садит пятна
На болящие тела.

Неужели же обратно
Закопают
Корень зла?

ДРЕМА ЛУГОВАЯ

Господи Иисусе, чудно под Москвой,
В Рузе и в Тарусе, в дреме луговой!

Дрема луговая! Это к ней вчера,
Не переставая, липла мошкара.
Сока из надлома не дал бледный хвощ.
Чувствовала дрема: утром будет дождь!

То-то белокрыльник вовсе изнемог!
Будет в серый пыльник кутаться восток.
Смерчок еле зримый, предрассветно мглист,
Пронесется мимо, как мотоциклист.

Глухо тарарахнет предрассветный гром,
Там, где в гнездах пахнет пухом и пером.

И взлетит от грома
Мошек целый рой,
Как с аэродрома
С дремы луговой!

СТАТУЭТКА

Я неловок. Понюхал мимозы иссохшую ветку,
Что торчала из вазы, как бедный придаток стекла,
Но ее я не тронул, а взял и разбил статуэтку —
Не хватил ее об пол, а локтем спихнул со стола.

— Что вы сделали? — закричала хозяйка салона.

Я ответил:

— Подумасшь, что за великий урон!

Обожженная глина являла собой не Солона,
Не Перикла, не Брута, а это скорее — Нерон.

Он мозолил глаза мне. И вы, несмотря на свою
крепкотелость,

Этой жалкой фигурки покорною были рабой.

Я толкнул статуэтку, упала она, разлетелась.

Я разбил статуэтку. Подумасшь, что за разбой!

Когда раскапывали Помпею,
Был обнаружен в пепле ряд пустот.
И затруднялись люди, не умея
Какой-то метод, этот или тот,
Тут применить, чтоб разгадать загадку.
Но все же догадались, наконец,
С раствором гипса приготовив кадку,
Лить в дырку гипс, как в формочку свинец.
И этот гипс, заполнив пустоту,
Застыл и принял очертанья тела,
Которое давно уже истлело
В объятых пепла. И не красоту
Являл тот слепок, а предсмертных мук
Невыразимо горькую картину —
Несчастливого помпейского детину,
От глаз не отрывающего рук.
Я видел эту жуткую статую,
Напоминающую о беде.
И если слышу проповедь пустую,
Хоть чью угодно, безразлично где,
И если слушаю пустые строфы
И перед беспредметным полотном,
Я думаю лишь только об одном:
А какова причина катастрофы?

Отмечали
Вы, схоласты,
Птолемя
Юбилей.

Но дошла к вам
Лет так за сто
Весть, что прав был
Галилей.

Но плечами вы пожали:
Мол, отрекся
Галилей!

Отмечать
Вы продолжали
Птолемя
Юбилей.

Что делается
В механике,
И в химии, и в биологии,
Об этом знают лишь избранные,
Но в общем пользуются многие:

Излечиваются хворости,
Впустую сила мышц не тратится...
Но где-то на пределах скорости,
Где бешена частиц сумятица,

Ворочается зверь искусственный;
Ворчит, себе добычи ищет он,
Зверь механический, бесчувственный,
Детально вымерян и высчитан.

Чтоб не пожрал он ваши домики
Со всеми вашими надеждами,
Остерегайтесь быть невеждами
В политике
И в экономике!

Он
Перед нами
Открывает душу,
А может быть, и новые моря,
И новую неведомую сушу,
И глубь, и высь...

Короче говоря —
Вдруг видно все, чему еще не верят
К вчерашнему привычные глаза,
Чего вершки вчерашние не мерят,
Вчерашние не держат тормоза.

Как открывает новую планету
Среди небесной бездны астроном,
Так открывать приходится поэту
Весь этот мир. Ведь не о чем ином —
Об этом, что ни миг, то новом мире
Ведет он нескончаемый рассказ,
И горизонты делаются шире
От этого у каждого из нас.

ЛЮДИ

Люди
В общем
Мало просят,
Но дают довольно много.

Люди
Многое выносят:

Если надо — ходят в ногу,
Устают, недоедают.

Но уж если взрыв за взрывом,
Этот ад надоедает
Даже самым терпеливым.

Люди
В общем
Мало знают,
Но они прекрасно чувствуют,
Если где-то распинают
И кого-нибудь линчуют.
И тогда творцов насилия
Люди смешивают с пылью,
Сбрасывают их со счета.

Не по людям их работа!

Люди
В общем
Мало верят
В заклинанья, в пентаграммы,
А своею меркой мерят
На фунты и килограммы,
И на ярды, и на метры.
Счет иной еще не начат.

Люди
В общем
Незаметны,
Но довольно много значат!

◆
Да здравствуют
Искатели дорог!
Ведь тяжело лишь преступить порог!

О человек,
Следы твоей ноги
Ясней всего во времени я вижу,
Как шел ты от Лютеции к Парижу,
К Улан-Батору от Урги.

Зыбучесть дюн,
И скользкость автострад,
И в омуты засосанные весла...
Бесчисленное множество преград!

Есть путь из Петербурга в Ленинград,
И путь от Христиании до Осло,
И путь, что через Новый Амстердам
Довел до колоссального Нью-Йорка.

И нет конца заботам и трудам,
И каждый шаг — весьма крутая горка
А все же путь достаточно широк.

О вечные искатели дорог,
Со всеми вами я готов идти,

Поскольку мне любая речь понятна,
И только с теми мне не по пути,
Кто, точно в фильме, пущенном обратно,
Гремя вооруженьем до зубов
И яростен до белого каленья,
Дошел до геркулесовых столбов
Унылых грез взаимоистребленья.

Да,
Многое исчезло без следов.
Всего не в силах даже перечсть я:
Освобождаем тело городов
От пыльной паутины проводов,
В которых только путались известья;
И свищут нам ракеты в небесах,
Что дед-пропеллер может и на отдых,
И, словно о фрегатах в парусах,
Мы думаем теперь о пароходах.
Пар! Отпыхтел свое он и уплыл.
И хорошо, и тосковать не станем
О том, что топок антрацитный пыл
Мы заменили внутренним сгораньем.
Уйдет и паровой локомотив
В мир памятников древности печальной.
И мы его, слегка позолотив,
На пьедестал у площади вокзальной
Поставим и решеткой оградим,
И быстро человечество забудет,
Каким на вкус был паровозный дым.
Им лишь романтик упиваться будет.
Но, смутно помня о его судьбе,
Ведь мы-то сами жить не перестанем,
Ведь мы-то не покажемся себе

Таким же точно вот воспоминаньем.
Ведь мы, природу недопокорив,
От дела не откажемся устало
И, волосы себе посеребрив,
Не ринемся, кряхтя, на пьедесталы,
Туда, откуда дворник помелом
Клочки афиш сгоняет со ступенек.
Ведь мы-то не окажемся в былом!
Что ты об этом скажешь, современник?

ВО-ПЕРВЫХ, ВО-ВТОРЫХ И В-ТРЕТЬИХ

Всего
Еще понять не можем —
Как видно, время не пришло,
И долго мы не подытожим
Всего, что произошло.

И обо всех
Явлениях этих
Твердим казенным языком:
«Во-первых, во-вторых и в-третьих»,
Но даже в случае таком —

Во-первых:
Немы от разлуки,
На колоссальной вышине
Вновь запросились в наши руки
И серп и молот на Луне.

И во-вторых,
Вдруг замаячил
Все резче Марса уголек
И путь туда казаться начал
Не столь далек, не столь далек.

И в-третьих, ближе к нашим крышам

Венера подошла звезда:
«Вы слышите меня?» — «Мы слышим!»

Все это началось тогда,
Когда
Весенним утром ясным,
Земля, вознесся над тобой
В своем комбинезоне красном
Пилот от неба голубой.

Сперва
Звучали выхлопы
Моторов, как всегда;
Казалось, все затихло бы,
Исчезло без следа,
Но дрогнула
Бездонная
Сияющая высь,
Где вновь изобретенные
Моторы пронеслись.
Звук
Вслед за аппаратами
Прошел одной сплошной,
Чреватою раскатами,
Шальной, взрывной волной.
Вы слышали,
Вы видели,
Почувствовали вы?
Так следом за событиями
Несется гул молвы.
Теперь
Не полагается
О них предупреждать —
Событья надвигаются
Быстрее, чем можно ждать!

В темноте
Притаился злодей.
В темноте
Все седей и седей
Закипают людские моря.

Ночью
В давке
Среди площадей
Хорошенько собою владей,
Не влачись, обрубив якоря.

А точнее говоря,
Что ни день,
То и больше люблю я людей,
И люблю их, конечно, не зря!

Потому что
Они —
Это те,
Кто стремились ко мне в темноте
И зывали среди темноты:
— Мы с тобой, если с нами и ты!

ПТЕНЕЦ

И вдруг
Раздался треск яйца,
И мы увидели птенца:
Он ростом был не больше пули,
Которая осталась в дуле
Оружья, брошенного в поле,
Когда убийцу побороли,
Обезоружили, связали...

Вот был каков птенец голубки!
Он вылупился из скорлупки,
Как в оперенье из свинца,
Чтоб коршуны
Не растерзали!

СТАРИНА

Мне
В детстве
Чадила свеча
И дымно коптила лучина,
Давила на оба плеча
Щекочущая овчина.
И это причина всего:
Хотелось иного тепла мне,
Томила мое существо
Мечта о металле и камне
И ламповом свете таком,
Который задуть не удастся,
И, этой мечтою влеком,
Я спасся, я спасся, я спасся!

И вот
Говорит
Старина:
— Срыватель лохмотьев и рубищ,
Тобой я побеждена,
Но все ж и меня ты полюбишь!
Ты знал только сирость мою,
Теперь же познаешь и пышность:
Возьми, я тебе отдаю
Древесность мою и кирпичность,

Ажурность, узорность резьбы...
Когда-то ты был небогатым
Меж грубого сруба избы,
Теперь приспособься к палатам!
Чертог
Твой
Да будет велик
Величием древнего храма,
А твой торжествующий лик
Вмести в золоченую раму.
На кудри свои нахлобучь
Бобровую шапку-боярку,
А хочешь, так в банную парку
Ввались, богатырски могуч!

Но я говорю:
— Не взыщи,
Что в час исполненья желаний
Не грежу дворянскою баней,
Не верую в кислые щи!
И как, старина, ни хорош
Твой ковшик медового кваса,
Но этим меня не проймешь,
И я не для этого спасся!

Отчего
Поборники кубизма
Тут и там уходят на покой?
Или мода попросту капризна?
Нет! Весь мир сегодня не такой!

Мир
Ломался,
И, ввергаясь в пламя,
Становился собственным костром
И, щетинясь острыми углами,
Выворачивался нутром.

Но теперь-то
Поздно лезть на стену —
Все стихии мы берем во власть,
Прежней угловатости на смену
Обтекаемость
Приобрелась.

Появилась
Целеустремленность,
Невозможность вкривь идти и вкось.
Чувство: до чего я ни дотронусь —
У всего орбита есть и ось.

И не только лишь
Носы и кормы
Кораблей воздушных и мѳрских —
Всѣ иные обретает формы
Вплоть до радости и до тоски.

И совсем по-новому струисты
Воды и стремительны ветра!
И уходят старые кубисты,
Потому что
Нынче —
Не вчера!

Короче,
Короче, короче!
Прошу тебя, не тяни.
Короче становятся ночи.
Но будут короче и дни.

Все сроки
Отныне короче
И каждый намеченный путь.
И даже пророкам, пророча,
Не следует очень тянуть.

И хватит
Стоять на пороге.
Медлительность — это порок,
Рассказывай, что там в итоге,
Выкладывай, что приберег!

ГРАНИЦА

Ты
Не почитай
Себя стоящим
Только здесь вот, в сущем,
В настоящем,
А вообрази себя идущим
По границе прошлого с грядущим.

О граница прошлого с грядущим!

Останавливаются у границы
Железнодорожные составы,
Экипажей целые вереницы;
Даже триумфальные колесницы
Останавливаются у заставы.

В придорожные кюветы
Опрокинуты носилки, паланкины,
Старые кареты, кабриолеты,
Ветхие велосипеды, мотоциклеты,
Персональные машины,
Устаревшие летательные аппараты,
Недостаточно могучие аэростаты,
Неуклюжие исполины «цеппелины»,
Чьи-то невзлетевшие ракеты —

Мощных сил напрасные затраты,
Неосуществленные желанья.
В то же время
Обрати вниманье:
За границу прошлого с грядущим
Переваливаются неподвижные сооружения,
Передвигаются здания — самые разнообразные созданыя
Человеческого гения,
Если они выдерживают эти перемещения
И не разваливаются при этом до самого основания,
Все эти храмы, ангары, цирки, стадионы и пантеоны...
Видишь, какие-то мраморные колонны
Через пограничное поле тащит трактор.

Главное же —
Атомный реактор!
Вот что нужно осторожно, с тактом
Переправить не во вред контактам
За границу прошлого с грядущим.

СВОБОДА

Я уяснил,
Что значит быть свободным.
Я разобрался в этом чувстве трудном,
Одном из самых личных чувств на свете.

И знаете, что значит быть свободным?
Ведь это значит быть за все в ответе!
За все я отвечаю в этом мире —
За вздохи, слезы, горе и потери,
За веру, суеверье и безверье.
Я должен делать так по крайней мере,
Поскольку сам уже ничем не связан
И стал, как говорится, вольной птицей.
Всему и всем я помогать обязан
Освободиться!

Освободиться!
Разве это просто?
Не говоря уже о человеке,
Который ищет помощи, опоры,
Чтоб сдвинуть с места всяческие горы
И обуздать бушующие реки,
Не говоря уже о человеке,
И сами горы возглашают часто,
Что от безлюдья стонут их ущелья,

И сами реки тоже просят моста
И изнывают от бескорабелья.
Шипит пустыня, что под нею море,
До коего столь просто докопаться;
Легко ли все ж какой-нибудь Сахаре
В одних песках купаться и купаться?
Давно пора покончить с этим адом!
И в то же время
Близко, где-то рядом,
Атлантика бушует неустанно
И повествуют острова пространно
О бешенстве другого океана,
Который хочет их бесследно слопать.

Да океан ли только, в самом деле?
Я вижу пепел, чую дым и копоть,
И пот и кровь на истомленном теле.
И я употреблю свою свободу,
Чгоб острова на воздух не взлетели,
Материки не провалились в воду
И целые миры не опустели.
Бороться буду я за все живое,
И должен я со всеми столкнуться,
И каждому хочу лишь одного я:
Действительно
Свободы
Добиваться!

СОДЕРЖАНИЕ

Мгновенье

«Я поднял стихотворную волну...»	7
Красные ворота	8
Воспоминанья	10
На берегу	11
«Так велика гора черновиков...»	12
«Бывают лица мертвенные...»	14
Итоги дня	16
Гномы	19
Терриконы	20
Трусы	22
Песни	23
Птицы	24
«Я опять тебя обидел...»	25
«Я провожал учительницу...»	26
Переводчик	27
Атом	29
Микробы	30
«День еще не кончился один...»	31
«О, я всегда желал тебе удачи!..»	32

Ложь	33
«В эту душную ночь...»	34
Лжете	35
Солнце	36
«Мир, тот, которым мы владеем...»	37
Ледяная пелена	39
Томленье	41
«Все выскажу...»	42
Абрамцево	43
«Под зеленый тополь я прилег...»	45
«Забыто суеверие былое...»	46
Небесный купол	48
«Человек, которого ударили...»	49
Природа	51
«Здравствуй, смерчевидный человек!»	53
«Я вспоминаю средние века...»	55
«О крохотные бюстики великих...»	56
«Есть горы, что остались до сих пор...»	57
Море	58
«Я с классикой был вечно не в ладу...»	60
Перевод с греческого	62
Давид	65
Дом мадам Сатанюк	66
Стикс	67
«Я куплю себе усы и бороду...»	68
Тритоны	69
Овидиополь	71
«Знаешь, почему мне удаются переводы...»	73
Сила тяжести	74
Начало начал	76

Лукоморье

Учители	81
«Между домами старыми...»	83
«Позднюю ночью город пустынный...»	84
Революционные небеса	85
«Наш путь в тайгу...»	87
Нежность	88

Грусть	89
Воздушные фрегаты	90
Голый странник	92
Сахар был сладок...	94
«О люди, ваши темные дела...»	96
«Писатель слов и сочинитель фраз...»	97
Торговцы тенью	98
Река Тишина	99
Кувшинка	102
Пиретрум	103
Спор	104
Равноправье	105
В мире сорных трав...	107
Эрцинский лес	109
Метели налетели	111
Подсолнух	112
Сон подсолнуха	118
Ермак	120
Морское дно	122
Норд-ост	124
Переправа	125
Путешественник	128
Правда	130
Ключ	132
Тоска	133
«Замечали — по городу ходит прохожий?...»	135
Чистое небо	139
«О лес! Он был густ...»	140
Царь природы	141
«Ночь. Где-то там, на страшной высоте...»	145
«Тень телевизиорной антенны...»	146
Снег	148
Львята	150
«Никого, ничего!..»	151
Скоморох	153
Баллада про великий путь	154
«И по земле моей кочуя...»	157
Концы и начала	158
«Зима. Снежинка на реснице...»	160

Седьмое чувство

«Мне кажется, что я воскрес...»	165
Эхо	166
Народ-победитель	167
«Такие звуки есть вокруг...»	169
Любовь	170
«Ночь становилась холодна...»	171
Усталость	172
«Примерзло яблоко...»	174
Градус тепла	175
Снег тает	177
«У ночи — мрак...»	178
Двадцатые годы	179
«Будто впрямь по чью-то душу...»	181
Седьмое чувство	183
«Я понял! И ясней и резче...»	184
«Из смиренья не пишутся стихотворенья...»	186
Март	187
«Мы как мы!..»	189
«Событие свершилось..»	190
Белый диск	191
«Художник писал свою дочь...»	193
Ленинские горы	194
Первый снег	196
Сон женщины	198
Мороз	200
Балерина	202
«И снова осень...»	204
Зной	205
«Сада тихая обитель...»	207
«Ты относишься ко мне...»	209
«Завершился листопад...»	210
Никогда	211
«На побережье после бури...»	213
«Все обрело первичный вес...»	214
«С осторожностью птицелова...»	215
Шквал	216
Ночные звуки	217
Страусы	219

Заводы	220
«Что-то новое в мире...»	221
«Вечерело. Луч закатный...»	223
«В чем убедишь ты стареющих...»	224
Удача	225
Листья	226
Камин	227
Ночью	229
Земля	231
Вода	232
«И вскользь мне бросила змея...»	233
Антарктида	234
«Кто следующий?..»	236
Олива	237
«По существу ли эти споры?..»	239
«Закрывались магазины...»	241
След	242
«Я вас люблю!..»	243
«О годовщины, годовщины...»	245
Май	247
Голуби	248
«Кто дал тебе совет...»	250
«В белый шелк по-летнему одета...»	251

Первородство

Первородство	255
«Хочется сосредоточиться...»	256
«Запутывалось века...»	257
«Я знаю, чем была ты...»	258
«Как все это случилось...»	260
Семнадцатый год	261
Ноябрьский снежок	263
«Еще бояться высоты...»	265
«Рассказывай, люблю твои рассказы...»	267
Костер	269
«Вот корабли прошли...»	271
«Ты видел ли, как в час отлива...»	273
Первооткрыватель	275

Меховые цветы	277
Хор	278
Дети	280
Дедал	281
XXI век	284
Рай	285
Ива	286
Дуб	287
Весна	289
«О вы, которые уснули...»	291
Вьюги	292
«Из года в год негодная погода...»	293
Богатый нищий	295
«Хочу я, чтоб никто не умирал...»	296
Небо и земля	297
Настоящее мгновение	299
«Где-то там испортился реактор...»	300
«Надо зоркость...»	301
Голоса	303
«Вот идешь ты, мирный человек...»	305
«Троллейбус рванулся из мрака...»	307
Цена жизни	308
Шаг	309
«Дело было за мной...»	310
«Будьте любезны...»	311
«Нет, тени за людьми не гонятся!..»	313
Успокоился воздух	314
«— Что с тобою? — Небо голубое!..»	316
Праздник	317
Корень зла	318
Дрема луговая	319
Статуетка	320
«Когда раскапывали Помпею...»	321
«Отмечали вы, схоласты...»	322
«Что делается в механике...»	323
«Он перед нами открывает душу...»	324
Люди	325
«Да здравствуют искатели дорог!..»	327
«Да, многое исчезло без следов...»	329
Во-первых, во-вторых и в-третьих	331

«Сперва звучали выхлопы...»	333
«В темноте притаился злодей...»	334
Птенец	335
Старина	336
«Отчего поборники кубизма...»	338
«Короче, короче, короче!..»	340
Граница	341
Свобода	343

Мартынов Леонид Николаевич

ПЕРВОРОДСТВО. Книга стихов. М., «Молодая гвардия», 1965.
352 с.

P2

Редакторы *И. Грудев, В. Сякин*

Художник *В. Авдеев*

Худож. редактор *Н. Печникова*

Техн. редактор *Л. Климова*

A10662. Подп. к печ. 31/VII 1965 г. Бум. 70×108¹/₃₂.

Печ. л. 11(15,4) + 1 вкл. Уч.-изд. л. 9.

Тираж 50 000 экз. Заказ 822. Цена 60 коп.

СПХЛ 1965 г., № 447.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия». Москва, А-30, Сушевская, 21.

М О Л О Д А Я

Г В А Р Д И Я